

**ИСТОРИЯ РОЖДЕНИЯ, ЖИТИЯ И МУЧЕНИЧЕСТВА
ДОСТ. О. ИОАННА ДЕ БРИТТУ ИЗ ОБЩЕСТВА ИИСУСА,
МУЧЕНИКА АЗИАТСКОГО И ПЕРВОМУЧЕНИКА МИССИИ В МАДУРАЕ**

Фернан Перейра де Бритту

Пер. с порт. BRITTO, Fernão Pereira de. Historia do nascimento, vida, e martyrio do ven. padre Joam de Britto da Companhia de Jesu, martyr da Asia, e protomartyr da missão de Madurey. Coimbra: No Real Collegio das Artes da Comp. de Jesu, 1722. В переводе опущены морально-теологические "Размышления" автора.

В переводе Константина Чарухина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В КОТОРОЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ДЕЯНИЯХ ДОСТОПОЧТЕННОГО ОТЦА ИОАННА ДЕ БРИТТУ, ОТ ЕГО РОЖДЕНИЯ ДО ОТБЫТИЯ В ИНДИЮ И ПРИБЫТИЯ В ГОА.

ГЛАВА I. О рождении в мир достопочтенного отца Иоанна де Бритту.

В первый день марта тысяча шестьсот сорок седьмого года в городе Лиссабоне родился достопочтенный отец Иоанн де Бритту из Общества Иисуса. Родителями его были Салвадор де Бритту Перейра, идадьго королевского двора, который во время счастливого провозглашения Государя Короля Иоанна IV занимал при нём должность кравчего, и дона Бритиш Перейра. Мать его всегда утверждала, что рождение этого сына стало чудом; ибо, когда подошло ей время вступить в ту опаснейшую для женщин битву, она едва ощутила первые содрогания естества, как вдруг увидела, что сын уже родился. И столь краткими и лёгкими оказались муки, что, ещё ожидая первых болей, она уже освободилась от последних страданий; и когда прибыла та повитуха, что со скромностью являет своё искусство, дабы помочь в опасностях столь трудного часа, то уже застала младенца родившимся. И если тогда это показалось чудом естества, то в дальнейшем мы увидим в том чудесное действие благодати.

Спустя несколько дней после рождения показалось, что младенец не доживёт до восьмого дня, когда его должны были крестить. Побуждаемые этим опасением, родители его велели немедля крестить его дома, что и было исполнено со всею поспешностью, и младенец тотчас обрёл новые силы. В день же, назначенный для торжественного крещения, его отнесли в приходскую церковь св. Андрея, дабы таинство крещения, уже полученное им дома, дополнилось обрядом помазания святым миром.

Так, крещёный, он рос, питаемый кормилицей, и прежде чем ему исполнилось два года, Государю Королю Иоанну IV было угодно назначить его отца, Салвадора де Бритту Перейру, губернатором Рио-де-Жанейро. Тот, готовясь к отъезду на королевскую службу и отправляясь к месту правления, оставил сего сына своего, коему не исполнилось ещё и двух лет, расти меж грудей кормилицы и слёз материнских. Два года спустя отец скончался на посту губернатора. Когда в дом пришла скорбная весть, мать, оставшись с тремя сыновьями, обратила всю свою любовь на младшего, достопочтенного отца Иоанна де Бритту, который и стал навеки её Вениамином.

ГЛАВА II. О его воспитании в отроческие годы.

Как только миновали годы младенчества, когда разум человеческий ещё дремлет, и настала пора постигать учение христианское и прочие науки, коим родители обязаны наставлять своих детей, мать его, дона Бритиш Перейра — достойная мать столь великого сына, исполненная добродетелей, — с рвением истинной католички и заботой благородной матроны распорядилась, чтобы он обучался вместе со старшими братьями. Он же постигал науки, подобающие его возрасту, с такой восприимчивостью ума и кротостью нрава, что в поступках его не находилось повода для упрёка, а в учении — для наказания.

Уже в этом нежном возрасте он являл столь великую отрешённость от суетности

и мирских усад, что, будучи юным идалго, как и его братья, и вращаясь при дворе — месте, где собирались сыновья самых прославленных вельмож и которое доставляло приятнейшие развлечения для юношества, — он выказывал столь мало рвения к этому времяпрепровождению, словно оно не было ни почётнейшим знаком родовитости, ни желаннейшей забавой юности. Во дворец он отправлялся лишь тогда, когда того желала его мать, и не стремился туда попасть, если его не звали или не было на то её повеления.

ГЛАВА III. О том, как он тяжело занемог и обрёл здоровье по заступничеству св. Франциска Ксаверия.

Он продолжал свои занятия, а мать его, хотя и решила посвятить его Богу в каком-нибудь ордене, ещё не помышляла о том, какой именно удел ему избрать. Достоверно известно, однако, что она никогда не думала направить его в священники Общества Иисуса, ибо он был столь хрупкого сложения, что, казалось ей, не сможет понести трудов этого святого ордена.

В одиннадцать лет от роду он тяжело занемог. Во время одного из самых страшных приступов болезни, когда смертельные признаки недуга предвещали скорую кончину, он с горячей верой воззвал к св. Франциску Ксаверию, моля его испросить у Бога здоровья. Он усердно повторял эту молитву каждый день; и мать его, видя столь горячие мольбы, присоединила к ним и свои, а сверх того дала обет святому Ксаверию, что если он испросит здоровье для её сына, тот будет год носить облачение св. Игнатия.

ГЛАВА IV. Во исполнение обета об исцелении он облачается в одеяние Общества Иисуса.

Оправившись от болезни и признав своё исцеление чудесным заступничеством св. Франциска Ксаверия, он вышел из дома уже в облачении св. Игнатия. Стоило ему лишь облачиться в рясу, как он ощутил, как в нём пробуждается горячайшее желание принять устав и следовать жизни тех, кто носил это одеяние постоянно.

Обетный год он провёл в этом облачении с несказанным удовлетворением, с такой скромностью и благопристойностью, что всякий, кто видел его, мог бы подумать, будто вместе с рясой он похитил у св. Игнатия и оставленный им устав. И быть может, размышляя об этом благочестивом похищении, он и сам решил совершить воздаяние, подобно Закхею, который вернул вчетверо; так и он обещал принести св. Игнатию четыре обета за одно одеяние, ибо справедливо было, чтобы тот, кто принял лишь внешние признаки, в четырёх актах торжественных обетов принял и самую суть иезуитского служения.

Случилось так, что в тот год, когда наш отрок носил на себе образ инок Общества, ему, как юному идалго (о чём мы уже упоминали), в один день довелось предстать в двух разных обличьях: одно — члена Общества Иисуса, другое — придворного из общества мирского. В те времена существовал похвальный католический обычай: португальские короли в последний день Сорокачасового бдения отправлялись вечером в дом профессов им. св. Роха, чтобы после сокрытия Святых Даров присутствовать на процессии. На этой церемонии королевских особ сопровождала вся придворная знать и государева

свита. Саму же процессию совершала община отцов Общества, в которой участвовали даже новиии.

Поскольку наш дивный отрок уже был новицием в своих желаниях и казался им по своему облачению, он захотел на этой процессии присоединиться к сонму отцов, раз уж не мог ещё вступить в их орден. Однако этому намерению могло помешать то, что в тот же вечер он должен был прислуживать Их Величествам на подобающем ему месте. Но тут он показал, что уже в том возрасте умел исполнять многие обязанности и нести многие службы. В церковь св. Роха вошли королевские особы: король Афонсу VI со своим братом инфантом Педру, нашим нынешним королём и государем. Наш юный апостол стоял на своём месте без плаща, ибо в плаще юные идальго не могли служить своим господам; и в таком виде он оставался на своём посту, и все замечали, как искусно он сочетал учтивость придворного с обличьем инокa.

Вскоре началась процессия, и он отправился исполнять вторую роль в общине иноков. Для этого он прошёл в ризницу, накинул на плечи плащ, взял в руку свечу и, смешавшись с новиицами, с благословения всех отцов проследовал в процессии, и облик его был столь естественен, что казался прообразом того, чем ему предстояло стать. Когда церемония завершилась, он снял плащ и вернулся к своей первой службе. В этих таинственных перевоплощениях ни мирское не исказило духовного, ни придворный этикет не нарушил благочестия.

ГЛАВА V. О том, как он пожелал вступить в святой орден Общества Иисуса.

Истёк обетный год, и он снял иноческое облачение. Но если дотолe в нём жило горячее желание вступить в орден, то теперь к нему прибавилась и тоска по рясе. Чтобы исполнить своё стремление, он стал просить отца-провинциала Общества принять его; и прошения его были исполнены такого смирения и такой настойчивости, что казалось, будто правоту свою он основывал на смирении, а справедливость — на усердии. Отец-провинциал снизошёл к мольбе нового кандидата и удовлетворил его прошение.

Исполнив это желание, он сообщил обо всём матери и попросил у неё дозволения привести задуманное в исполнение. Ибо если доселе желания его были огнём, что не давал света, то теперь они стали всепожирающим пламенем. Не в силах более сдерживать порывы своего призвания, он обратился к ней с такими словами:

«Матушка и государыня моя, доныне я был в долгу перед Вами за то доброе воспитание, что Вы мне дали, но теперь я в ещё большем долгу за возможность, которую Вы мне открыли. Я лежал больной, без надежды на жизнь, и молил св. Франциска Ксаверия исходатайствовать мне здравия — и этим ограничивались порывы моей скорби. Вы же, Ваша милость, дополнили мою мольбу, прибавив благочестивый обет в течение года носить мне облачение св. Игнатия. Так и было сделано, и Бог был столь милосерд, что по заступничеству Своего святого даровал мне желаемое здравие.

Надев святое облачение, я вмиг почувствовал влечение к служению; стал искать способа исполнения моих желаний, стремясь быть принятым в святой орден Общества Иисуса, был услышан и получил согласие. Я хорошо понимаю, что

призвание это зародилось во мне, когда я носил облачение, а причиной тому был обет, данный Вами во время моей болезни. Посему я обязан Вам не только жизнью телесной, но и предрасположением к жизни иной: в радости своего рождения я обязан Вам воспитанием для жизни естественной, а в скорби своей болезни — заступничеством для жизни в благодати. Теперь же я хочу, чтобы Ваша милость стала моим заимодавцем в ещё большем долге, которым я себя связываю, а именно — в Вашем благословлении на полное увенчание всех этих устремлений.

Я принят в орден Общества и верю, что именно св. Франциск Ксаверий призвал меня. Вы знаете, Ваша милость, что я обратился к нему в молитве, и он внял мне; теперь, когда он обращается ко мне с призывом, справедливо, чтобы я ему повиновался. На том, что святой внял моей мольбе, держалась моя временная жизнь; в моём же ответе на его призыв, быть может, кроется залог жизни вечной. Но я желаю, чтобы не только я один удостоился этого дара; я хочу, чтобы и Ваша милость разделили его со мной, а потому прошу: повелите мне принести эту жертву, дабы к ней присовокупилась и заслуга сыновнего послушания. Не стану более настаивать в просьбе о том, в чём, знаю, Ваша милость мне не откажет».

Выслушав эту речь, мать с явным удовлетворением отвечала, что она хорошо понимает, что призвание это ниспослано свыше по заступничеству св. Ксаверия, ценит его как дар Небес и в душе радуется, имея сына, который с такой решимостью вверяется Богу. Она сказала, что отдаёт его с лёгким сердцем, но единственное, что её смущает, — несоответствие его хрупкого сложения трудам этого ордена, требующего более крепкого здоровья, нежели то, коим он обладал.

На это сын отвечал с непоколебимой решимостью: «Бог зовёт меня, и я хочу ответить на Его зов; а уж Его забота — дать мне силы, соразмерные трудам и деяниям нового удела, к которому Он меня призывает».

ГЛАВА VI. О том, как он простился с матерью и вступил в новициат Общества Иисуса.

Получив и выслушав ответ матери, наш соискатель, ещё не достигший возраста, достаточного для вступления в Общество, продолжал свои занятия, укрепляясь в своём намерении. И вот, когда пришёл назначенный час, он, без всякой пышности и не обладая притом крепким здоровьем, вознамерился принять облачение и исполнить святыя свои желания в день Ожидания Рождества Пресвятой Девы, Владычицы нашей¹. Прощаясь с матерью, он сказал ей:

«Матушка и государыня моя, настал час мне покинуть Вашу милость, дабы обрести Христа, ибо Христос возлюбил меня так сильно, что покинул Своего Отца ради меня; ведь именно так, как я слышал от своего наставника, евангелист Иоанн передаёт слова Христа о том, как Он оставил Отца и пришёл в мир (ср. Ин. 16:28). Ваша милость взрастила меня для Бога, а Бог искупил меня для Себя. Дабы не отступить от этой цели, мне необходимо, чтобы Ваша милость не удерживала меня, ибо Вы именно для этого и произвели меня на свет, и вскормили. Бог послал мне смертельную болезнь, а через неё — вдохновение; ибо в тягчайших страданиях недуга Он подвиг меня воззвать к св. Франциску Ксаверию. И едва я воззвал к нему, как тотчас же Сам Господь призвал меня, ибо в

тот миг, когда я обрёл здоровье, испрошенное мне святым, я начал ощущать сильнейшие порывы следовать уставу св. Игнатия. И теперь, когда настало время ответить на призвание, я решился не упустить его и идти туда, куда влекут меня мои пламенные устремления.

Решимость эта проистекает не из угождения людям, но из высшего долга всякого, кто ищет спасения: внимать небесному вдохновению и принимать дары благодати. Утешьтесь же, Ваша милость, ибо хотя и необходимо оставить всё мирское, чтобы обрести Бога, я, отправляясь на Его поиски, уношу с собой многое из мира сего — но не то, что может меня искушать, а то, что может мне служить: я уношу знание, я уношу разочарование, и я уношу презрение. Я познал, что даёт мир, когда в жестокой смертельной болезни обрёл здоровье лишь по чудесному заступничеству св. Франциска Ксаверия. Я разочаровался в мире, когда, познав его, увидел, как мало он может. И, прозрев благодаря этому духовному свету, я преисполнился такого презрения к миру, что уповаю на Божественное милосердие, дабы пребывать в ненависти к тому, что по всем статьям столь достойно презрения.

Мне недостаёт лишь святого материнского благословения Вашей милости, в коем, я верю, Вы мне не откажете. Если какая печаль и трогает мою душу, то лишь мысль о той скорби, что ляжет на Ваше сердце, Ваша милость, когда я Вас покину. Но Бог, Чьей воле я повинуюсь, дарует Вам столь обильное утешение Своей благодатью, что в Его незримом присутствии Вы не ощутите моей утраты».

Произнеся эти слова, он с глубоким смирением и благоговением принял материнское благословение, со святой невозмутимостью простился со всеми домочадцами и отправился в лиссабонский новициат, в народе именуемый Котовия, в сопровождении двух своих братьев Криштована де Бритту Перейры и Фернана Перейры де Бритту². Там, совершив принятые прощальные обряды, он простился с братьями и вступил в затвор той святой обители, в уединение душ ангельских, где нет иных упражнений, кроме духовных, нет иных забот, кроме созерцания, и нет иных желаний, кроме служения Богу; в ту школу совершенства, где экзаменом служит совесть, уроком — духовное наставление, молитвой — мысленное созерцание, рассуждениями — беседы с Богом, а правилом — устав св. Игнатия, исповедуемый в том питомнике добродетелей. Больше и сказать нечего.

Это и была та пустыня, куда Бог привёл сию столь возлюбленную Им душу, чтобы там говорить с её сердцем (*«И поведу её в пустыню, и там буду говорить к сердцу её»* (Ос. 2:14)) и через сверхъестественные наития открыть ей цель, для которой Он её призвал, и то, чего Он от неё желал. Там явил Он ей те бедствия, из которых её извлёк, и венец, для которого её избрал. Там предстояло ей ощутить новые вдохновения, новые призвания и новые вспоможения; там должны были зародиться в ней новые желания и новые обеты, новое осознание и новые жертвы. Там вдохновения принимались с готовностью, призвания — с вниманием, а дары благодати — с пользой. Там, наконец, обратился он к Богу:

«Благодарю Тебя безмерно, Господи, за сие столь желанное благо, что Ты мне даровал. Наконец сбываются надежды, терзавшие меня в промедлении, и утихает пламя, сжигавшее меня, ибо я вдыхаю прохладное и лёгкое дуновение Небес, что веет в сих стенах. Как тягостно было мне размышлять, Господи, о том, что Ты

желаешь видеть меня здесь, а я всё медлю! Ты звал меня в обитель, а я оставался в миру; Ты простирал ко мне руку, дабы я следовал за Тобой, а я не решался. Твои дары вселяли в меня мужество, а собственное промедление — смущение. И в этой борьбе смущения и упования лишь крепко моё желание пребыть с Тобою, дабы любить Тебя крепче, надеяться твёрже и служить Тебе без всяких помех.

Се, я пред Тобой, Господи. Говори, ибо ныне я могу слышать; повелевай, ибо ныне я готов повиноваться. Доныне сладость Твоих внушений заглушал шум мирской, а невнимание к дарам Твоим мешало ревности моего послушания. Здесь, куда привело меня Твоё милосердие, молю о Твоём покровительстве, дабы, укрепившись в стремлениях, что Ты во мне зародил, я не желал ничего, кроме как угождать Тебе, и не искал ничего, кроме как служить Тебе».

С этими и другими, ещё более благочестивыми и мудрыми словами, приносимыми в величайшем смирении и благоговении, новиций сей предавал силы своей души бесконечно милостивому, заботливому и могучему Величеству, дабы повиноваться Ему, чтить Его и служить Ему. Там заложил он первый камень в основание того чудесного здания веры, коему предстояло вознестись ради обретения героической надежды и во исполнение чистейшей любви.

¹ Праздник Ожидания Рождества Пресвятой Девы (лат. *Expectatio Partus Beatae Mariae Virginis*) — особый католический праздник, отмечаемый 18 декабря. Он посвящён последним дням беременности Девы Марии и благоговейному ожиданию рождения Спасителя. В Португалии и Испании этот день также известен как «*Nossa Senhora do Ó*» («Пресвятая Дева О») в честь антифонов этой недели, начинающихся с междометия «О».

² В португальской традиции, особенно в XVII веке, было принято давать детям фамилии и от отца, и от матери, при этом порядок фамилий не был строго фиксированным. Отец братьев — дон Салвадор де Бритту Перейра, а мать — дона Бритиш Перейра. Криштован де Бритту Перейра сохраняет порядок фамилий отца, а Фернан Перейра де Бритту (автор книги) меняет их местами. Оба варианта считались правильными.

ГЛАВА VII. О решимости, рвении и духовном преуспевании, с которыми он провел два года новициата.

Оставив мир с великой твердостью и с горячим рвением приняв иноческий образ, он приступил к двум годам своего новициата. За это время он стяжал столь великое уважение настоятелей и любовь братьев, что вызывал у всех изумление. Настоятели, видя, с каким благоговением и точностью он им подражал, почитали его равным себе. Братьев же своих, новициев, он окружал таким смиренным почтением, что рядом с ним они ощущали себя его наставниками.

Днем, когда он впервые облекся в рясу св. Игнатия, стало Рождество. В сей день Божественное Слово явилось миру в одеянии человеческой природы, принятом в Воплощении; в сей же день и наш новиций предстал в том облачении, которого так жаждала его душа. Для Божественного Слова облечься в нашу человеческую плоть, оставив — да позволено мне будет сие преувеличение — Божество,

означало сойти в мир на служение людям: *Exivi a Patre, et veni in mundum* (Я исшел от Отца и пришел в мир; Ин. 16:28). Подобно сему, и для юного новиция облачиться в иноческие ризы означало оставить людей ради служения Единому Богу.

В доме новициата существовал благочестивый обычай каждый год устраивать вертеп, при котором новиции вели благоговейные собеседования с новорожденным Младенцем Богом. И не только в этих беседах каждый изъяснял свои сокровенные желания и любовь — благоговение побуждало их писать письма Младенцу Иисусу. В них набожное чувство и трезвый разум сплетались воедино; умозрение и молитва, состязаясь, взаимно друг другу помогали, ибо благоговение очищает сердце, а разум оттачивает слово. В каждой строке — тысячи нежных порывов, назидających душу, в каждом предложении — тысячи мудрых мыслей, возносящих ее к небу.

Наш новиций последовал этому обычаю и, подобно прочим, также написал свое письмо Младенцу Иисусу, а в конце адреса сделал такую приписку: «За миссию в Японии».

Наставником новиция был досточтимый иезуит, о. Франсишку Витус. Он чистосердечно признавался, что жизнь и поступки этого отрока одновременно и назидали, и смущали его, ибо в том, кто едва простился с детством, он прозревал мудрость старца. В нем он замечал, как начало соединено с концом, а первые шаги в духовной жизни — с вершинами совершенства. Воистину, юноша мог бы сам быть наставником, исполняя роль ученика, ведь для него постичь правила духовного искусства и тотчас же преподать их другим на собственном примере было одно и то же. Отсюда и родилась в сердце наставника та особая привязанность, с какой он его любил, и та справедливая причина, по которой он ставил его выше остальных.

ГЛАВА VIII. Принесение обетов и отбытие из Лиссабона в Эвору для начала учения.

Два года новициата он завершил к великому назиданию всех настоятелей и собратьев, после чего принес обеты. Вскоре его перевели из Лиссабона в Эвору, где ему предстояло один год изучать гуманитарные науки и четыре — философию. С непомерным усердием он прилежал книгам, так что от этих трудов занемог.

Едва оправившись, он вновь предался ученым трудам. Однако, то ли климат той земли был противен его устройению, то ли любознательность и усердие в науках вновь стали чрезмерны, он снова впал в недуг, и на сей раз столь тяжкий, что дело шло к чахотке, и он уже кашлял кровью.

ГЛАВА IX. Перевод из Эворы в Коимбру и о том, как в тамошней коллегии он всеми силами стремился попасть в индийскую миссию.

Когда настоятели уразумели, что пребывание в том краю пагубно для здоровья сего инокa, они перевели его в Коимбру, где он изучал свободные науки. В это время все его сокровенные думы были об одном: как получить дозволение

отправиться в одну из миссий в Азии.

В священном ордене существует обычай, обязывающий Общество рассматривать прошения [о миссиях], особенно если они подаются неоднократно. Доводы и признаки призвания у отца Иоанна де Бритту были столь очевидны и известны, что, подобно другим апостольским мужам, влекомым на служение Богу в восточных миссиях, он мог с уверенностью ожидать скорого исполнения своего прошения. Однако он имел веские основания опасаться, что Его Величество [король] может обратиться к настоятелю с настоятельными просьбами не отпускать его, и что просьбы эти возымеют действие вопреки его твердой решимости. Посему он написал напрямую Генералу Общества, с величайшим усердием моля его назначить его миссионером в Индию. Он просил также, чтобы Генерал поручил провинциалу сообщить об этой милости в такой форме, которая бы пресекала всякую возможность подать прошение об отмене или воспрепятствовать ему каким-либо иным образом.

ГЛАВА X. Он получает разрешение на своё прошение, будучи преподавателем грамматики в коллегии св. Антония в Лиссабоне; избирает миссию в Мадуре и твёрдо противостоит препятствиям, что чинит ему мать.

Он с особым отличием завершил четырёхлетний курс философии в Коимбре, стяжав себе славное имя среди философов Общества. Оттуда настоятели направили его преподавать грамматику в коллегию св. Антония в Лиссабоне.

Когда он был занят этим преподаванием, из Рима пришло разрешение от Генерала, пересланное провинциалу, которым в ту пору был отец Мануэл Монтейру. В нём содержался приказ в присутствии всей общины призвать досточтимого отца Иоанна де Бритту и объявить ему, что отец Генерал дарует ему дозволение, о коем он просил, дабы отправиться в Индию как делателю одной из восточных миссий. Услышав этот приказ, досточтимый отец Иоанн де Бритту обрёл такое утешение, что, думаю, радость, с какой он узрел исполнение своего желания, целиком окупила томление, с каким он ожидал сей благой вести.

Оставалось лишь готовиться к путешествию и миссии. В то время в Лиссабоне находился генеральный прокуратор миссии в Мадуре, отец Балтазар да Кошта, прибывший для ведения дел оной миссии и для поиска людей для неё, с которыми он должен был отбыть в Индию в ближайшее плавание. Досточтимому отцу Иоанну де Бритту надлежало избрать себе миссию, и, поскольку он слышал от упомянутого отца-прокуратора, что миссия в Мадуре — та, где более всего трудов и обильнее всего жатва, он избрал именно её, дабы заслужить в ней венцом трудов своих и потом своим пальмовую ветвь мученичества.

Получив это известие, мать его, для которой сын был всей отрадой и утешением, не смогла смириться с его отъездом и прибегла с упрёком к отцу-провинциалу: как мог он, не поставив её в известность, отправить её сына в края, откуда нет возврата? Отец-провинциал отвечал, что не он отправляет в Индию досточтимого отца Иоанна де Бритту и не содействовал этому иначе, кроме как огласив дозволение отца Генерала в той форме, в какой ему было велено. Если же отъезд досточтимого отца стал уже неотвратим, то виной тому были лишь его собственные усердие и старания. Он с таким рвением добивался назначения в

миссию, что упредил всякую возможность отмены. И вина здесь, если она и была, лежала лишь на пылком сердце просителя, ибо он так искусно подготовил исполнение своего похвального решения, что дело приняло необратимый оборот.

Но материнская любовь слепа, и, не в силах постичь ни причин, ни целей его отъезда, донна Бритиш, вопреки всем разъяснениям, решила настоять на своём, надеясь отменить уже решённое. Полагая, что её молений будет достаточно, чтобы отговорить сына, она облекла чувства в доводы, а сетования — в доказательства, попросила его выслушать и сказала:

«Сын мой, когда ты искал Бога в иночестве, я с радостью благословила твой выбор, и сама мысль об обрётённой тобой святой обители утешала меня в моём вдовстве. Но ныне я вижу, что твоё рвение устремилось к таким высотам, что примириться с этим твоим новым решением я не нахожу в себе сил. Я понимаю, что твой замысел — героический подвиг добродетели, но и это знание не склоняет меня к согласию. Прошу, не оставляй меня наедине с тоской, которая будет стоять мне жизни. Если цель твоя — принести в жертву Богу жизнь за ближнего, то знай: жизнь твоей матери станет первой жертвой на этом пути, а ты — её невольным приносителем. Отбрось жестокосердие и внемли законам сыновнего почтения, которые повелевают явить больше внимания к матери, ибо лишь сыновья могут скрасить тяготы её вдовства. Небо обретают не только те, кто покидает отечество; спасение даруется не только мученикам в их жертве, но и исповедникам в их слезах. И если слёзы, пролитые мной при одной лишь мысли о твоём отъезде, смогут удержать тебя, то вся горечь их обратится в сладость».

Тут слёзы прервали её речь. Однако эти мольбы не только не поколебали сердца сына, но, видя страдания матери, он ещё более утвердился в своём намерении. И, желая явить ей свою непреклонность, он, словно не слыша этих доводов, отвечал: «Я иду туда, куда зовёт меня Бог, и мой долг — презреть доводы человеческие, дабы исполнить волю Божию».

Не удостоив нежнейшие мольбы матери иным ответом, он приступил к приготовлениям. Главным его приготовлением было принятие всех священных санов и служение мессы. Но хотя это и должно было окончательно разубедить его мать, она всё же прибегла к последнему средству, которое, как она рассчитывала, возымеет действие.

ГЛАВА XI. Мать прибегает к помощи Апостольского нунция и иным средствам, дабы воспрепятствовать путешествию досточтимого отца Иоанна де Бритту.

В то время при дворе находился Апостольский нунций Франческо Равицца. К нему-то и обратилась скорбящая мать, описав своё безутешное положение из-за отъезда сына и умоляя приказать отцу-провинциалу не отпускать его в Индию. Просьба была изложена с таким жаром, что нунций решился написать провинциалу, употребив свою власть, дабы тот отменил дозволение, данное новому миссионеру, ибо ему стало известно, как тяжело его мать переносит весть об отъезде сына в края, откуда ему, несомненно, не суждено вернуться.

Получив это письмо, отец-провинциал оказался в великом затруднении. Он

чувствовал себя обязанным исполнить просьбу того, кто мог ему приказывать, но вместе с тем понимал, что нелегко будет дать ответ, который бы всех удовлетворил. Он показал письмо нунция досточтимому отцу Иоанну де Бритту и сказал: «Я в растерянности и не знаю, что ответить нашему прелату. Хотя он и не приказывает прямо, но выражает свою волю в таких словах, которые обязывают ещё сильнее». На это досточтимый отец отвечал: «Не сокрушайтесь, отче. Я берусь сам избавить ваше преподобие и от этого затруднения, и от этой заботы. Для этого, я полагаю, мне нужно лишь предстать пред нунцием. Услышав меня, он оставит своё намерение, а ваше преподобие избавится от затруднения с ответом».

На том и порешили. Они вдвоём отправились к нунцию, и провинциал сказал: «Ваше преосвященство, вы пишете мне, чтобы я не посылал отца Иоанна де Бритту в Индию. Но я его не посылаю: ему дал дозволение наш отец Генерал, ибо он сам просил его об этом. Вот, я привёл его в свидетели моей правдивости, а он скажет и за себя, и за меня. Выслушайте его, ваше преосвященство, ибо его решение и будет моим ответом».

Нунций выказал готовность слушать, и досточтимый отец Иоанн де Бритту сказал: «Вас ввели в заблуждение, ваше преосвященство, если донесли, что мои настоятели посылают меня в Индию. Они не посылают, но лишь дают дозволение идти. Призыв в Индию исходит от Того же, Кто некогда призвал меня из мира в иночество. Первое призвание было от дурного к доброму, второе — от доброго к лучшему. Это странствие в Индию может стать для меня путём на Небеса, и я не смею пренебрегать такой возможностью, ибо другой может не представиться. Ведь я должен буду дать Богу отчёт не только о содеянном зле, но и о благодатных дарах, которыми пренебрёг. Я знаю, что Бог зовёт меня, и не ответить с готовностью на призывы Его милосердия значило бы дерзко искушать Его правосудие. Главная цель, влекущая меня, — крестить людей во спасение души. Представьте, ваше преосвященство, какое бремя вы возложите на свою совесть, приказав мне остаться! Уверен, поразмыслив, вы не только не станете меня удерживать, но и сами понудите ехать, ибо всякий несправедливый приказ отменяется размышлением. Полагаю, что ваше преосвященство, желая оказать услугу просительнице, употребили свою власть прелата. Но также верую, что сей довод учтивости был порождён более вашим благоволением и дипломатичностью, нежели справедливостью и долгом. В заключение скажу, сеньор: я ступил на стезю, коей ведёт меня Бог, и твёрдо намерен достичь цели, к которой Он меня призывает. Если ваше преосвященство пожелает мне воспрепятствовать, вы раскаетесь в том, а я, покуда жив, не отступлю».

Нунций, проникшись словами подвижника, отвечал обоим. Он признал, что написал то письмо, уступая настоятельным мольбам весьма почтенной особы. Однако теперь, воочию убедившись в истинности призвания, влекущего отца Иоанна, он не только не станет ему препятствовать, но и сам глубоко тронут его героической решимостью, исполненной ревности о славе Божией. Он заверил их, что не желал препятствовать столь похвальному деянию, и напутствовал юного миссионера: «Отправляйтесь с Богом в свою миссию, и Ему же молитесь обо мне».

Оба покинули нунция: один — довольный тем, что избавился от мучившего его затруднения, другой — более чем довольный, ибо преодолел последнее

препятствие, стоявшее на пути к его плаванию.

Но мать досточтимого отца Иоанна де Бритту всё ещё не теряла надежды, хоть ей и было известно, с каким усердием он одолевал все возникавшие препоны и с какой лёгкостью побеждал. Ведомая материнской любовью, она прибегла к последнему средству, которое её смятенный ум измыслил скорее по страсти, нежели по рассуждению. Она лично пришла в коллегию Св. Роха к отцу-провинциалу и предложила ему великую милостыню на нужды обители, если он оставит её сына в Португалии. Как же ослепляет женщин страсть, и на что только не толкает матерей любовь! Провинциал счёл это предложение и намерение оскорбительными и чрезмерными и, не допуская торга, не принимая подношения, с достоинством и благоразумием отвечал, что уже много раз говорил: не в его власти приказать, чтобы досточтимый отец Иоанн де Бритту не ехал в Индию. Но даже если бы это и было в его власти и было бы дозволено, он не принял бы такой взятки, пусть и прикрытой видом милостыни.

Это послужило для матери последним разуверением. Шли последние дни перед отплытием кораблей. И в эти дни досточтимый отец Иоанн де Бритту навестил свою мать с таким спокойствием, словно ему предстояло не вечное расставание, а лишь недолгая отлучка.

ГЛАВА XII. Он восходит на корабль, идущий в Индию, прибывает в Гоа и отправляется в свою миссию.

Настал день, канун Благовещения, назначенный для отплытия кораблей. В этот самый день новый миссионер пришёл в дом своей матери и, не сказав, что это их последняя встреча, на следующий день, то есть двадцать пятого марта тысяча шестьсот семьдесят третьего года, взошёл на корабль, написав ей на прощание краткое письмо. Отослав его, корабли подняли паруса и отошли из Лиссабона в Индию. В пути он перенёс опаснейшую болезнь, от которой, однако, счастливо оправился; у его изголовья неотлучно находился дон Родригу да Кошта, который в то плавание шёл главным капитаном флотилии. Он прибыл в Индию и, сойдя на берег в Гоа, занялся необходимыми приготовлениями к исполнению цели, приведшей его туда.

Первым его делом по прибытии стало завершение курса богословия. Но, занимаясь науками в коллегии Гоа, он уже приучал себя к жизни будущего миссионера: спал на голых досках, вкушал лишь овощи, травы, плоды, рис и молоко, соблюдая во всём великую умеренность. И в прочих добродетелях он был столь образцов, что служил всем примером для подражания.

В покаянных подвигах и умерщвлении плоти он был так строг к себе, словно дух его не имел большего врага, чем он сам. И, кажется, так оно и было; ибо мир он уже победил, презрев его; диавола же уповал победить силою Божией милости в деле обращения душ; и лишь против самого себя он направлял всю силу телесного подвига и всё рвение духа, дабы таким образом сокрушить трёх врагов души: мир, диавола и плоть.

В апреле тысяча шестьсот семьдесят четвёртого года он собрался отправиться в миссию в Мадурай. Но настоятели, видя и ценя дары и таланты, коими Бог его

обогастил (ибо, несмотря на то, что он не прослушал полного курса богословия, за столь малое время они признали в нём состоявшегося богослова), просили его остаться в Гоа и предложили ему кафедру свободных наук, дабы он немедленно приступил к преподаванию. Досточтимый отец отклонил предложение, сказав, что прибыл в Индию не преподавать философию, а изыскивать способы, пригодные и удобные для обращения язычников.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ, В КОЕЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ДЕЯНИЯХ, ЧТО ДОСТОЧТИМЫЙ ОТЕЦ ИОАНН ДЕ БРИТТУ СОВЕРШИЛ В ИНДИИ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ БЫЛ ПОСЛАН В ПОРТУГАЛИЮ, ИЗБРАННЫЙ ПРОКУРАТОРОМ СВОЕЙ ПРОВИНЦИИ МАЛАБАР.

ГЛАВА I. Отбытие из Гоа в земли Малабара, и описание его странствия.

Поскольку досточтимый отец Иоанн де Бритту покинул Португалию, уже имея назначение в миссию в Мадурай, то в тысяча шестьсот семьдесят четвёртом году он отбыл из Гоа в Малагату, что в землях Малабара. Оттуда он немедля вознамерился перейти в упомянутую миссию в Мадурай, на которую давно уже обратил свой взор. Он мог бы совершить это путешествие с великими удобствами, ибо милосердный о. Браш де Азеведу, бывший в ту пору провинциалом Малабара, предлагал ему всё необходимое. Но так как всепламенная жажда страданий была движителем его устремлений, он, желая подражать великому Апостолу Востока, св. Франциску Ксаверию, отправился пешком, дабы пересечь знаменитые горы Малабара. На этом пути он начал испытывать столь тяжкие невзгоды, что лишь горячая любовь, с какой он их искал, могла дать ему то смирение, с каким он их переносил.

Спутником или, вернее, проводником его был о. Андре Фрейре, настоятель миссии. В первый же день пути, прежде чем войти в горы, двум спутникам понадобилось нанять проводников, ибо без них там невозможно странствовать из-за множества разбойников. Они ожидали у некой реки, и не успели укрыться в доме одного почтенного человека, жившего неподалёку, как их настиг сильнейший ливень. Они промокли до нитки, так что, уже укрывшись в доме, всё ещё чувствовали себя стоящими посреди реки, которую только что покинули.

Когда горцы-язычники увидели их в столь необычных для белых людей в Индии одеждах, им пришлось потратить добрую часть ночи, отвечая на их бесчисленные вопросы и удовлетворяя их любопытство. Богу было угодно, что они встретили брахманов из тех земель. О. Андре Фрейре заговорил с ними на их языках, тамильском и бадага, благодаря чему оба отца нашли лучший приют, чем ожидали. Впрочем, весь этот приют состоял в том, что им позволили остаться в сухом углу дома (но без огня для обсушки, хоть они и были совершенно мокры), а ложем им послужила твёрдая земля.

На следующий день они перебрались в лес, где им было удобнее, ибо там они смогли укрыться от холода, пронизывавшего до костей сквозь мокрую одежду. Немалым облегчением было и то, что они наконец избавились от чрезмерных расспросов малабарцев, которые в своём назойливом любопытстве желают всё разузнать и всё разведать. Это свойство весьма распространено среди жителей тех земель: они не успокоятся, покуда не вызнают у чужестранца, откуда он пришёл, куда идёт, какое дело его привело и с кем он в доле, живы ли ещё его

отец и мать, женат ли он, сколько у него детей и тому подобное.

Два брахмана, которых они наняли в проводники, ради своей выгоды устроили переход так, чтобы, выйдя на закате, идти всю ночь. Они вели путников столь проворно, что за ними едва поспел бы тот, кто, подобно досточтимому отцу Иоанну де Бритту, был от природы не силён и не привык к таким долгим пешим переходам. Вскоре он понял, что этот путь превышает его возможности. Но, черпая силы в немощи телесной по благодати духовного дерзновения, он радостно продолжал путь, словно бы это было для него дело вполне знакомое. Прежде чем войти в самую густую чащу леса среди гор, проводники дозволили им краткий отдых, но тотчас снова пустились в путь в кромешной тьме, через места, кишасшие медведями, тиграми и слонами, с постоянной опасностью встретить кого-либо из этих зверей. Однако Богу было угодно, что им повстречался лишь один слон, который, хоть и приблизился к тропе, но не напал на них. И так, хоть и в страхе перед дикими зверями и в трудах от долгого и сурового пути, они наконец одолели горы, пройдя за эту ночь и часть следующего дня одиннадцать лиг (ок 44-55 км. — прим. пер.).

Такой долгий и трудный переход за столь короткое время мог бы истощить и крепких европейцев, и привычных к подобным странствиям туземцев.

Досточтимому отцу Иоанну де Бритту не доставало того и другого, ибо тело его было весьма слабо, а сам он не имел привычки к столь долгим пешим переходам. И хотя подошвы его ног уже стёрлись в кровь, предстояло одолеть ещё больше половины пути до земель Сатъямангалам, служивших западным рубежом тамошнего христианского мира. Несмотря на всё это, телесные немощи, ободряемые доблестью духа, не остановили их, и они шли, пока не достигли места, где уже встретили христиан. Вид их доставил досточтимому отцу Иоанну де Бритту такое утешение, что он позабыл обо всех невзгодах, перенесённых им доселе.

ГЛАВА II. Он заболевает в пути и, оправившись, продолжает странствие до резиденции в Колей, где остаётся на некоторое время.

Труды сии были столь изнурительны, что через несколько дней он занемог тяжкой болезнью, приведшей его на порог смерти. Но Богу было угодно избавить его от недуга, даровав довольно сил, чтобы уже через месяц продолжить путь до царства Джинджи.

Выйдя из Сатъямангалам и обнаружив, что обычный путь перекрыт, они были принуждены идти через другие горы, ничем не уступавшие тем, что недавно одолели. Среди них была одна столь крутая, что, даже взбираясь по ней пешком, местами приходилось цепляться и за деревья, и за камни руками. Переход через эти горы занял у них два дня. В последний день сумерки застали их посреди обширной долины, и им пришлось провести там всю ночь в непроглядной тьме под открытым небом, в местах, кишасших тиграми. Чтобы уберечься от их ярости, христиане, сопровождавшие их, несли стражу поочерёдно.

Благодаря этой предосторожности и разведённому огню, они спаслись от тигров, которые бродили совсем близко от места их ночлега. Продолжив путь, они

встретили в Комуре о. Антониу Рибейру, а в Дармапури — о. Жозефа Мошареля, миссионеров из Майсура. Те с безмерной радостью и дивным радушием приютили их на несколько дней. Расставшись с ними, они прибыли в резиденцию в Колей тридцатого июля, в канун праздника великого патриарха, св. Игнатия, отца преславных миссионеров, которому языческая Азия обязана первыми наставлениями и установлениями на пути обращения.

В этой резиденции оба наших отца, к великому утешению всех тамошних христиан, отпраздновали праздник святого основателя Общества Иисуса. Резиденция в Колей стала для досточтимого отца Иоанна де Бритту родным домом; то было его первое пристанище на миссии в Мадуре. Здесь он вступил во владение тем достоянием, которой так домогался, и тем наследием, коего так ревностно искал. Здесь он начал возделывать виноградник и пахать ниву на драгоценном, долгожданном и вожделенном поприще миссии в Мадуре.

ГЛАВА III. О началах, успехах и прочих сведениях, касающихся миссии в Мадуре.

Поскольку само имя этой миссии, и слава её, и всё, что о ней говорилось, послужили причиной, побудившей досточтимого отца Иоанна де Бритту за многие лиги от отечества своего с пылким рвением устремиться к спасению душ в сей части света, то справедливо будет поведать о её началах, успехах, обычаях и обо всём, что к ней относится.

Мадурой — главный город, где пребывает наяк, раджа того царства, которое составляет значительную часть обширнейшей империи Нарсинга. От этого города, столицы и главы одноимённого царства, и получила своё название миссия в Мадуре, славнейшая из всех, что ныне существуют на всём Востоке. В этот столь известный и знаменитый город съезжались для торговли португальцы и другие христиане, жившие на Рыбацком берегу, на Цейлоне, в Джафнапатаме, Нагапатнаме и других крепостях, подвластных Португалии. И поскольку число тех, кто прибывал ко двору наяка по торговым делам, было велико, они основали там славную церковь, посвящённую Богородице, дабы иметь возможность слушать мессу и принимать святые таинства. Должность приходского священника исполнял один из отцов Общества Иисуса. И так как он в совершенстве владел тамильским языком, который является всеобщим в тех царствах, то все отцы, коим надлежало окормлять христиан на Рыбацком берегу и в Траванкоре, отправлялись к тому двору, чтобы изучать язык под его руководством.

Около 1601 г. прибыл туда с тем же намерением святой памяти о. Роберто де Нобили из знатнейшего рода Папы Марцелла II и племянник его высокопреосвященства кардинала Роберто Беллармина, но ещё более прославленный своей дивной добродетелью и несравненной мудростью.

Упомянутый о. де Нобили с особым усердием овладел языком и с пламенным рвением предался обращению тамошних язычников. Опыт показал ему, что главным препятствием к обращению язычников в этой обширнейшей империи Нарсинга было крайне низкое мнение, которого местные жители придерживались о европейцах, именуемых ими «пранги» (искаж. «франки». —

прим. пер.) — имя столь презренное и недостойное в их глазах, что в нашем языке не найдётся слова столь же бранного.

Причина, по которой эти язычники так дурно отзывались о европейцах, заключалась в том, что те допускали в свои дома и в близкий круг неких туземцев Индии, именуемых «парии», которые в глазах прочих каст столь низки и презренны, что с ними не позволяется никакого сообщения. Их не только не пускают в селения и дома и не пользуются их услугами даже для самой гнусной работы, но, если селение принадлежит брахманам, им даже не дозволяется ходить по улицам. Видя же, что европейцы не только пользуются услугами париев, но и допускают их в свой круг и к своему столу, язычники заключают, что и те, и другие одной породы, и не видят ничего дурного в том, чтобы мерить их одной мерой. В этом мнении они утверждают ещё и потому, что европейцы, подобно париям, едят говядину и пьют пальмовое вино. Отсюда родилось у них столь глубокое отвращение к тем, кто общается с париями, что они обыкновенно говорят: «Меньшее зло — умереть и сойти в ад, нежели стать учеником пранги». В этом изречении виден и ложный их взгляд на ад, и то омерзение, которое вызывают у них европейцы.

Постигнув всё это, а также то, что язычники той империи почитают брахманов за самую благородную касту и за мудрейших людей, какие только есть и могут быть на свете, и что лишь они одни могут учить закону и пути на Небеса, отец Роберто де Нобили, подражая апостолу Павлу, решился стать *Omnibus omnia factus* (для всех всем; 1 Кор. 9:22), дабы приобрести их для Христа, и для этого стал во всём, кроме греха, следовать общественным условностям тех земель. И, рассудив, по слову св. Амвросия, что *Primus discendi ardor nobilitas est magistri* (первое побуждение к учению — благородство учителя), он отделился от другого отца, жившего в Мадуре, которого все считали пранги. Он облачился в одеяние брахмана-санньяси (что означает «учёный инок»), отрицал, что он пранги, и утверждал, что он — «римский санньяси». Он во всём следовал образу жизни санньяси: ему прислуживали брахманы, он носил одежды из хлопковой ткани, окрашенной охрой, и вкушал лишь немного риса, овощей да трав. Всё его имущество состояло из тигровой шкуры, которая днём служила ему сидением, а ночью — ложем на голой земле, ибо таков обычай и таков наряд подвижников и иноков в тех царствах.

Когда отец Роберто де Нобили обрёл себя на такой образ жизни из любви к Богу и к спасению душ, язычники начали смотреть на него иными глазами. И поскольку их не отталкивали ни его одеяние, бывшее одеянием их собственных санньяси, ни язык его, ибо он говорил на нём с великой точностью и красноречием, они стали слушать его со вниманием. И Богу было угодно, что многие брахманы и другие люди из различных, также благородных каст, познав ложность своих идолов и истину нашей веры, с великой решимостью приняли её.

Таково было начало миссии в Мадуре.

ГЛАВА IV. О том, как отцы Общества Иисуса последовали примеру о. Роберто де Нобили, и о методе, коего они придерживаются в обращении тамошних язычников.

Поскольку опыт показал, что образ действий, принятый о. Роберто де Нобили, был самым удобным и действенным для обращения язычников в Мадурае, многие отцы из провинции Малабар решились последовать его примеру. Изучив с величайшим усердием язык, они вступали в то царство в том же облики, принимая на себя все тяготы, которых оно требовало. И сами плоды их трудов показали, что решение это было от Неба, ибо ныне эти миссионеры проповедуют не только в царстве Мадурай, но и в Танджавуре, Джинджи и Веллуру, а число обращённых в нашу веру уже много превышает сто тысяч.

Метод, коего придерживаются отцы в обращении этих язычников, таков. Каждый отец-миссионер имеет при себе четырёх или пятерых катехизаторов, которых избирают из числа христиан, уроженцев тех земель, причём из тех, кого язычники до их обращения почитали за самых учёных. Этих людей отец с особым тщанием наставляет в таинствах нашей святой веры. После наставления они отправляются по своим деревням возвещать катехизис тем, кто желает слушать, а сами отцы проповедуют там, где пребывают или куда приходят.

Сии катехизаторы, помимо преподавания учения, часто вступают в пространные диспуты с наставниками языческих сект. И так как им известны ложные основания, на которых те строят свои учения, они обыкновенно посрамляют их к великой славе веры и закона истинного Бога. Также, в час смертный, они преподают крещение многим взрослым и детям, к которым отцы из-за дальних расстояний или отсутствия известий не могут прийти. Они прислуживают умирающим, помогая им в последний час исполнить подобающие обряды, погребают усопших, а каждый вечер собирают христиан своей земли и вместе с ними читают литании к Богородице и совершают испытание совести.

Когда катехизатор возвестит христианское учение и сочтёт, что слушавшие его достаточно усвоили, он сообщает об этом отцу, дабы тот пришёл и крестил их. Опыт показывает очевидную пользу такого метода, ибо из года в год святое крещение принимают до пяти тысяч душ.

Однако и отцы, и катехизаторы претерпевают жесточайшие гонения от язычников, которые обрушиваются также и на новокрещённых христиан. Но все они переносят страдания с таким мужеством и стойкостью, что Церковь та поистине подобна первоначальной, и, чтобы поведать обо всех их подвигах, потребовался бы целый пространный трактат.

Также многочисленны и весьма чудесны милости, коими Бог орошает сии новые [всходы] Своей веры.

ГЛАВА V. О резиденциях¹, которые имеет миссия в Мадурае.

Доселе мы говорили о миссии в целом, теперь же поведаем о ней в частности, перечислив её резиденции. Ныне, в год от Рождества Христова 1697, в этой миссии насчитывается девять резиденций и всего лишь девять отцов, которые их окормляют.

Самая северная из них — резиденция в Агараоне. Она окормляет христиан в царствах Голконда, Веллур и Джинджи. Простирается она с севера на юг на сорок

лиг — от знаменитого города Канчипурам до реки Веллар, а с востока на запад — более чем на двадцать две лиги, от города Ченгам до побережья Восточного моря.

Вторая резиденция, что следует за Агараоном к югу, — в Каллуре. Она начинается у реки Велатру в царстве Джинджи и доходит до знаменитой реки Колларон, которая отделяет его от царства Танджавур, а в последнем простирается до самых его пределов у мыса Куллимару. Имеет она более сорока лиг с севера на юг и более шестнадцати — с востока на запад. Будучи столь обширной, она не имеет ни одного безопасного места, где отец, окормляющий её, мог бы пробыть без опаски со стороны язычников хотя бы два месяца, а потому он вынужден постоянно находиться в пути.

Третья резиденция — в Нандаванапати. Она насчитывает почти двадцать лиг с севера на юг и четыре — с востока на запад. К ней относится часть христианского населения царства Танджавур и Шоламандалама (что есть большая часть царства Марава).

Четвёртая резиденция — в Колупати, соединённая с резиденцией в Тричирапилли. Обе они составляют одну резиденцию, ибо окормляет их один отец. Округ той и другой вместе составляет более двадцати пяти лиг.

Пятая резиденция — в Мулипати, присоединённая к резиденции в Мадурае. Таким образом, с севера на юг она простирается почти на пятьдесят лиг, а с востока на запад — на столько же.

Шестая резиденция — в Варагапати. С востока на запад она имеет более восемнадцати лиг, а с севера на юг — немногим более пяти. И, будучи резиденцией с наименьшим округом, она, несравненно, имеет наибольшее число христиан.

Седьмая резиденция — в Анакарейпалиаоне. Она насчитывает двадцать четыре лиги с севера на юг и почти столько же — с востока на запад, и имеет великое число христиан.

Восьмая резиденция — в Элланангалаоне. Из этой резиденции и резиденции в Канатаварее и состоит провинция Сатьямангалам. Резиденция в Элланангалаоне имеет тридцать лиг с севера на юг и пятнадцать — с востока на запад.

Девятая резиденция — в Канатаварее, и имеет она те же размеры, что и упомянутая выше резиденция в Элланангалаоне.

Помимо вышеназванных резиденций, в этой миссии есть и резиденция в Колей, самая новая из всех. Однако она столь обширна, что окормляет христиан не только в царстве Джинджи, но и в Веллуре. По этой причине необходимо было разделить её на две, оставив одного миссионера с северной половиной, а другого — с южной. И поскольку значительная часть христиан царства Танджавур, что в том направлении примыкает скорее к резиденции в Колей, нежели к резиденции в Нандаванапате, с трудом могла окормляться отцом из последней, то община сия была присоединена к резиденции в Колей, миссионером которой и был досточтимый отец Иоанн де Бритту.

¹ В данном контексте под «резиденциями» (порт. *Residências*) понимаются не конкретные здания или жилища, а миссионерские округа или территории.

ГЛАВА VI. О некоторых примечательных случаях, произошедших в резиденции Колей после того, как в неё прибыл досточтимый отец Иоанн де Бритту.

Много случилось чудес в резиденции Колей после прибытия туда досточтимого отца Иоанна де Бритту. Поведаем об одном.

Досточтимый отец дал одному христианину так называемый «змеиный глаз»¹ — из тех, что привозят с острова Мальты. Считается, что по заступничеству великого апостола язычников, св. Павла, Господь наш часто избавляет многих посредством этих камней не только от яда змей, но и от укусов самых ядовитых тварей.

Христианин велел оправить камень в перстень и рассказал своему дяде-язычнику, что поведал ему досточтимый отец о силе и свойстве этого камня. Но тот смехом своим выказал, что ни в грош не ставит его слова. Однако, движимый любопытством и желая доказать, что племянник заблуждается в своих восторгах, он велел ударить по зарослям, откуда тотчас выползла чудовищная кобра. Он простёр к ней руку без перстня со «змеиным глазом», а другую, с перстнем, спрятал. Но видя, что змея вот-вот его укусит, он выставил вперёд перстень. При виде его змея тотчас пала замертво. Свидетелями сего дивного случая были более девяноста человек, как христиан, так и язычников.

Но столь велика была слепота неверующих, что даже такое чудо не открыло им глаз.

Поскольку на долю досточтимого отца Иоанна де Бритту выпало окормлять бóльшую часть христиан царства Танджавур, возникла нужда построить дом и церковь в селении Тантуанчери, что за рекой Колларон, дабы тамошние бедные христиане могли в урочное время без труда собираться вместе. Этому начинанию весьма поспособствовало особое расположение двух языческих князей. Они не только дозволили построить церковь на своей земле, но и даровали подписанные грамоты, повелевавшие всем в их владениях оказывать досточтимому отцу всяческое содействие и позволять ему проповедовать Закон Божий без каких-либо помех или прекословия.

Досточтимый отец Иоанн де Бритту счёл справедливым лично посетить этих двух князей, которые были братьями, чего до тех пор не делал, сносясь с ними через третьих лиц. Решившись на это, он отправился в путь в сопровождении двух брахманов-христиан, присутствие которых в тех землях весьма подкрепляет авторитет нашей святой веры, ибо среди тех народов брахманы почитаются едва ли не за богов.

Во время этого визита князья оказали ему великие почести, обещая полное содействие во всех его миссионерских начинаниях в их землях и во всём прочем, чего бы он ни пожелал, и с особым благоволением поручали себя его благословению и молитвам.

В то время, когда досточтимый отец посещал князей, ему пришлось удалиться из Колея из-за войн, которые вёл тиран Шиваджи². И тогда-то он на опыте убедился, сколь велика была польза от дома, построенного им в Тантуанчери, откуда в мирное время он мог окормлять христиан Ноламадалана, что в царстве Танджавур. Хотя и не без великих трудов, ему удавалось окормлять париев, ибо он был вынужден навещать их по ночам, так как они принадлежали к низшей касте и жили в непосредственной близости от селений брахманов, где не могли показаться днём, не навлекши на себя позора.

Военные смуты, что принёс в те земли тиран Шиваджи, причинили великие бедствия резиденциям царства Джинджи, посему на досточтимого отца Иоанна де Бритту легли непомерные труды по окормлению тамошних христиан. Ибо им, вместе с прочими жителями бежавшим из родных краёв, стало крайне трудно добираться до тех мест, куда обычно влекло их благочестие, дабы принять от своего пастыря наставление и таинства. Но, одолевая многие трудности, они приходили, как могли, и он не только наставлял их, но и утешал в великой их скорби.

Поскольку из-за бедствий войны проповедь не могла принести столь обильных плодов, в тот год в упомянутой резиденции число крещёных составило лишь триста девяносто, а оглашенных — двести.

¹ «Змеиный глаз» (порт. *olho de vibora*), или «камень св. Павла» (лат. *glossopetra*) — окаменевшие зубы доисторических акул, которые в изобилии находили на Мальте. Согласно преданию, это были языки змей, обращённые в камень апостолом Павлом во время его пребывания на острове (Деян. 28:3-6). Считались мощным амулетом от ядов.

² Шиваджи (порт. *Sabagí*) (1630–1680) — основатель Маратхской империи. Его походы в Карнатик в 1670-х гг. сопровождались значительными разрушениями.

ГЛАВА VII. Повествуется о четырёх чудесах, произошедших в упомянутой резиденции, когда ею управлял досточтимый отец Иоанн де Бритту.

Во время, когда он пребывал в резиденции Колей и окормлял её, там произошли примечательные чудеса в подтверждение истины нашей святой веры.

Первое случилось в Тинепиамбиане, где юноша шестнадцати лет, вопреки воле всех своих родных, слушал Закон Божий. Досточтимый отец Иоанн де Бритту, видя его великую веру, преподал ему святое крещение после того, как тот шесть месяцев слушал катехизис. Уже крещёный, он явил великую веру во время гонений, что воздвигли на него отец, мать и прочие родственники-язычники, и он сносил их с великим мужеством. Затем этот юноша тяжело занемог. Одни говорили, что болезнь его — от яда, другие — что это проказа. Лекарства за его излечение просили огромных денег. Но родственники-язычники, по своему обыкновению, утверждали, что болезнь эта — кара их богов за то, что он оставил их и стал христианином, и что лишь отречьшись от веры и вернувшись к поклонению идолам, он исцелится, а иначе — никак. Видя это, добрый христианин всем сердцем вверил себя Господу нашему и дал обет св. Франциску Ксаверию, прося его о даровании здоровья. Ночью он лежал в такой немощи, что

все считали его безнадежным, а наутро восстал столь здоровым и крепким, что от болезни не осталось и следа. Он тотчас отправился в церковь, что в восьми лигах от его селения, и с великим благоговением исповедался и причастился, исполнив свой обет — пожертвовать пол тостана¹ на воск. Случай этот подтвердили и язычники, бывшие тому свидетелями, и даже собственная его мать, хоть и язычница, была так изумлена, что с тех пор начала готовиться к принятию христианства.

Второе чудо произошло в Мараяне, где один христианин сказал своему больному родственнику-язычнику, чтобы тот слушал Закон истинного Бога, ибо лишь в нём одно спасение. Больной согласился. Прослушав несколько дней катехизис и будучи основательно наставлен в истинах веры, он с великим благоговением и слезами принял святое крещение и вскоре после того испустил дух. Среди прочих, бывших при этом, находился один его родственник-язычник из постыдной секты Лорингана², жрец идолов. Когда новокрещёный испустил дух, жрец сей с великим изумлением начал кричать, говоря: «Разве не видите вы душу нового христианина, что с необычайной пышностью и величием в триумфальной колеснице, окружённая дивным светом, восходит на Небо?» Христиане, бывшие там, хотя и не созерцали сего видения телесными очами, воздали многие благодарения Господу нашему за случившееся. А язычники, видя, что их жрец не лжёт, по действию Божественной благодати, просветившей их разум и склонившей их волю, оставили тьму язычества, и более тридцати человек обратились в нашу святую веру. И после ещё у многих от явления этого света открылись глаза, и они стали христианами. Лишь тот слепой жрец остался погребён в своих заблуждениях, не пожелав открыть очей души, чтобы обратиться к Богу.

Третье чудо случилось в Матуре, где жила одна брахманка-язычница, сестра брахманов-христиан. В течение долгих лет её жестоко терзал диавол. Услышав о множестве чудес, которые Господь наш творил через Своих проповедников, она послала просить у досточтимого отца Иоанна де Бритту освящённого пепла, дабы им вооружиться против демона. Досточтимый отец послал ей пепел с таким наказом: пусть знает, что для обретения милости Господней надобно оставить почитание идолов и поклоняться лишь единому истинному Богу, Творцу неба и земли. Приняв это условие, одержимая адским врагом брахманка возложила пепел на голову и тотчас освободилась от мучений, что причинял ей демон.

Четвёртое чудо произошло в Туттуранчери и в Катагучипатти, где посевы почти погибли от нашествия гусениц. Язычники пришли к досточтимому отцу просить о спасении от такой беды. Он дал им святой воды, дабы они с верою, во имя Всемогущего Бога, окропили ею поля. Средство возымело действие, ибо все гусеницы тотчас вымерли, а поля принесли обильный урожай, чему свидетелем был и сам досточтимый отец. Истинность этого чуда ещё более подтверждалась тем, что соседние поля, которых не коснулась святая вода, из-за бедствия остались в скорбном бесплодии.

Сими и иными чудесами Бог удостоверяет в той миссии истину Своей веры, безграничность Своего всемогущества и рвение Своих миссионеров.

¹Тостан (порт. *tostão*) — португальская серебряная монета.

²Лоринган (порт. Lorigão) — вероятно, искажённое португальское название лингаятов, последователей шиваитского течения, почитающих лингам как символ божества.

ГЛАВА VIII. Повествуется о случае, в котором досточтимый отец и его спутники испытали на себе чудеса Божественного Провидения, обращённые им во благо.

Среди этих чудес, кажется, величайшим было то, как Господь наш Бог избавил досточтимого отца Иоанна де Бритту и нескольких его спутников от необычайного потопа, обрушившегося на те земли в декабре 1677 года. Дело было так.

Досточтимый отец Иоанн де Бритту пребывал с семнадцатью христианами в доме и церкви, что построил в Тантуанчери, близ реки Колларон. Местные жители уверяли его, что река, сколь бы сильно она ни разливалась, никогда не достигала этого места. Сама возвышенность, на которой досточтимый отец построил церковь и дом, служила тому подтверждением. Посему он был уверен, что находится в безопасности и разлив реки не сможет его оттуда изгнать.

Однако одной ночью, когда он и его христиане спали, они слышали громкие крики из селения. Все поднялись посмотреть, в чём дело, и тут вода уже хлынула внутрь через водостоки, устроенные для отвода дождевой воды из двора и церкви. Бедные христиане оказались в великой скорби и смятении: посреди непроглядной ночи, окружённые морем воды, без света, без направления, без малейшего понятия о последствиях столь великой опасности (что в беде и есть наитягчайшее мучение).

Среди очевидных опасностей этого внезапного бедствия досточтимый отец Иоанн де Бритту — то ли потому, что обладал мужеством, равным его добродетели, то ли потому, что сама добродетель придала ему в тот час нового мужества — ни на миг не пал духом. Напротив, со всей решимостью, какой только можно ожидать от самого отважного сердца, он утешал и ободрял спутников. Велев заткнуть водостоки, через которые вода проникала во двор, он удалился с христианами в церковь, дабы вверить свои души Богу. И хотя ему пришла мысль перебраться всем в рощу, что находилась на возвышенности в нескольких шагах оттуда, он не решился на это: во-первых, не зная наверняка, сколь сильно поднялась вода, а во-вторых, потому что то место кишело ядовитыми змеями, от укуса которых в ночной тьме они не смогли бы уберечься, даже если бы спаслись от потопа.

Вода же всё прибывала, и уже достигла верха ограды. И поскольку все стены, как дома, так и церкви, были сложены из глины, на рассвете та их часть, что находилась напротив церкви, начала рушиться. По особой милости Божией это случилось уже днём. Вода хлынула с такой силой, что досточтимый отец и его спутники оказались в ней по грудь. В такой крайности последним средством оставалось перебраться в рощу. Так и поступил досточтимый отец с другими христианами. Вода доходила им уже до шеи, а идти пришлось по множеству острых колючек, пронзавших ноги. В этом чрезвычайном бедствии они спаслись на развалинах старого дома, взобравшись на две глинобитные стены, уже

окружённые водой.

Когда досточтимый отец и его спутники, всего восемнадцать человек, промокшие и дрожащие от холода, обрели на этом месте некоторое подобие безопасности, они позаботились о спасении риса, оставшегося в доме, дабы не погибнуть от голода. Но вода поднялась так высоко, что вернуться тем же путём было уже невозможно, а иным — только вплавь. И тогда один христианин отважился, бросился в стремнину и вплавь принёс для всех пропитание, а иначе бы они погибли.

И вот, когда они все — досточтимый отец Иоанн де Бритту и ещё восемь или девять человек — сидели на одной скамье, где в длину едва мог бы улечься один, им предстала новая великая опасность. И эта новая напасть не показалась бы малой даже тому, кто уже пережил столь великое бедствие. Опасность исходила не только от ядовитых змей из рощи, но и от других, ещё больших, ибо твари чудовищных размеров, спасаясь от потопа, искали прибежища на том же пятачке земли, грозя всем неминуемой гибелью. Спасением им послужили и чудотворная земля св. Павла¹, «змеиные глаза», и собственная их бдительность: денно и ночью неся стражу, они отгоняли гадов, пытавшихся взобраться на стену, и убивали их в воде. И по воле Божией ни один из них не пострадал от укуса.

Наводнение началось в ночь на пятницу, семнадцатого декабря, а в субботу появились признаки, что вода начала убывать. При виде этого доброго знака беда уже не казалась столь ужасной, и в сердцах затеплилась надежда на спасение. Так они и утешались, надеясь вскоре избавиться от верной, казалось бы, гибели. Но недолгой была их радость: в воскресенье вода поднялась ещё выше, чем накануне. Тогда отчаяние окончательно овладело бы ими, если бы Бог чудесным образом не явил им Своё заступничество. Господу было угодно остановить потоп, когда до их полного затопления оставалось не более ладони. Ведь, сумей они даже взобраться на ветви деревьев, там их ждала бы верная смерть от укусов бесчисленных ядовитых тварей, которые, спасаясь от потопа, искали прибежища в тех же кронах.

В этом опасном и ужасном положении одни, ошеломлённые, взирая на исчезающую землю, видели свою смерть, а в прибывающей воде — свою могилу (но сколь мало значит отсутствие земли для тех, кому не закрыто Небо!), другие же, избрав лучший удел, уже готовились предстать пред Господом, принося покаяние. Но ливень стих, воды начали спадать, и опасность, казалось, отступила. Всех же в этой скорби утешал и ободрял досточтимый отец Иоанн де Бритту, с несокрушимым мужеством встречая опасности и со святым смирением перенося труды. Он увещевал всех покориться воле Бога, Которому они стольким обязаны.

И было угодно Господу по Его бесконечному милосердию, чтобы на третий день вода убывла настолько, что они смогли выбраться из этого великого бедствия, воздавая многие благодарения Богу за то, что Он избавил их от казавшейся неминуемой смерти.

¹ Это так называемая «земля святого Павла» (*terra sigillata melitensis*). Согласно преданию, это земля (глина) из грота на Мальте, где жил апостол Павел после кораблекрушения (Деян. 28:1-10). Считалось, что эта земля обладает

чудодейственными свойствами, в первую очередь — способностью исцелять от укусов ядовитых змей и отравлений. Её соскабливали со стен грота, смешивали с водой или прессовали в небольшие медальоны.

ГЛАВА IX. Он отстраивает церковь, отправляется в царства Джинджи и Танджавур, посещая тамошних христиан, и, наконец, присутствует при драгоценной кончине одного славного катехизатора.

Поскольку досточтимый отец Иоанн де Бритту остался без крова, ибо в потоке обрушился не только его дом, но и бо́льшая часть домов в селении, населённом сплошь язычниками, ему пришлось остаться на том же месте, сыром и полном грязи, где он устроил себе шалаш, или, точнее, навес. В этом столь незащищённом и неудобном пристанище, в кругу своих немногочисленных христиан, среди холода, принесённого непогодой, среди бедности, рождённой лишениями, среди неудобств, что причиняли и само место, и нынешние обстоятельства, он встретил праздник Рождества. Все эти таинственные обстоятельства послужили дивными живописцами, запечатлевшими в душах тех христиан образы сиротства, бедности и холода, которые претерпел Младенец Бог, родившийся в вертепе Вифлеемском. И столь милосердным было Божественное Провидение, что досточтимый отец, будучи столь слабосилен, вышел из этой опасности и этих трудов в том же здравии, которое Господь наш Бог сохранил ему почти чудесным образом.

И вот, когда он пребывал в убогом шалаше, терпя и от суровости погоды, и от мук нищеты, теснивших его, он получил письмо от тех двух князей, которых некогда посетил (как мы видели выше). С той же учтивостью, с какой они и прежде выказывали ему благоволение, они предлагали ему свои собственные дома, если он удостоит их своим присутствием, а если решит остаться на том же месте, обещали выстроить ему новое жилище. Это предложение, исходившее от сердец столь благородных, дало досточтимому отцу новый повод возблагодарить Бога, явившего ему Свою милость через этих языческих князей. И он решился построить новый дом и церковь на том же месте, где спасся от смерти. И хотя он встретил много преград, все они были преодолены благодаря покровительству тех же князей, а ещё более — по милости Божией, ибо сия жизнь, хранимая Его промыслом, должна была ещё принести великую славу Его Церкви.

Отстроив, таким образом, свою церковь в Тантуанчери, он был вынужден отправиться в царство Джинджи, дабы окормлять христиан резиденции Куттур, которая была на его попечении. И несмотря на то, что всё его время уходило на крещение оглашенных, исповедь и причащение христиан, утешение и помощь умирающим, ответы и возражения в спорах с язычниками, и он пребывал в непрестанных трудах, — он возвёл в упомянутой резиденции церковь и дом. В ней в 1678 году он отпраздновал Пасху с великим благолепием и при огромном стечении христиан. Пребывая, или, лучше сказать, странствуя в этой резиденции с начала 1678 года до самого Христова Воскресения того же года, он перешёл в провинцию Панданаллур, что в царстве Танджавур, и, добравшись до своей церкви в Тантуанчери, принялся крестить оглашенных, рассеянных по окрестным землям, а также исповедовать и преподавать Святую Евхаристию христианам, собиравшимся в упомянутую церковь.

Исполнив этот долг, он отправился в провинцию Кумбаконам, чтобы помочь

больным и умирающим, коих в тот год там было великое множество из-за сильной засухи. И когда он вновь вернулся в Тантуанчери, до него дошли вести, что один старый катехизатор по имени Навамарти очень плох. И хотя в то время у отца Иоанна на ноге была рана, мешавшая ему ходить, он не только тотчас пустился в путь (а была уже ночь), но и за ту же ночь и три часа следующего дня преодолел расстояние, равное двум дневным переходам.

Он прибыл в Кабалакури, где лежал больной катехизатор, исповедал его и соборовал. Приняв святые таинства, старец, исполненный лет и трудов, понесённых из любви к Богу и святому Евангелию, испустил дух на руках у досточтимого отца Иоанна де Бритту, и Господь наш Бог воздал за добродетели его жизни блаженной смертью. Столь велика была скорбь христиан о смерти этого доброго отца, что, плача, они сетовали на свою потерю, почитая себя сиротами. Они сокрушались, что остались без такого катехизатора, который с неустанным рвением окормлял христиан днём и ночью, в зной, в дождь и в бурю с такой радостью и усердием, что вызывал у всех изумление. Он был так послушен отцам, что никогда не искал отговорок и тотчас исполнял всё, что ему велели; часто приступал к таинствам с великим благоговением; имел дар слёз, ибо, слушая или читая о каком-нибудь чуде, тотчас обливался ими; питал особое сострадание к бедным, которым стремился помочь в их нуждах, делясь с ними всем, что имел.

ГЛАВА X. Он отправляется в Манаркойл, а оттуда в Карабанту, где вызывает жрецов идольских на диспут о Законе Божиим.

Совершив в том месте погребение сего доброго слуги Бога и ближних, досточтимый отец Иоанн де Бритту отправился на юг, в провинцию Манаркойл. Там он преподавал таинства христианам, которые, увидев досточтимого отца в своих землях, вновь воспряли духом, ибо не видели священника уже двенадцать лет — с тех самых пор, как о. Андре Фрейре покинул упомянутую провинцию. И с тех пор ни один священник не мог найти случая прийти туда. Пробыв там столько дней, сколько было необходимо для окормления христиан, он отправился в Карабанту.

В предыдущем году в этой земле было воздвигнуто жесточайшее гонение на Закон Христов, и некоторые оглашенные поколебались в вере, а другие, твёрдые и стойкие, претерпели за неё великие муки. Посему многие полагали, что досточтимому отцу Иоанну де Бритту не следует идти в Карабанту. Но, невзирая на эти мнения, досточтимый отец последовал своему решению, и опыт показал, что он поступил верно.

Провинция эта — последняя в царстве Танджавур и граничит с Маравой. Она очень бедна, ибо земли её не столь плодородны, как большинство земель упомянутого царства, а также из-за несправедливости тех, кто держит их в аренде. Большая часть жителей обитает в весьма скромных хижинах. И при таком положении дел в провинции язычники, населяющие её, — самые гордые люди, каких только встречал досточтимый отец Иоанн де Бритту в тех краях, заклятые враги Закона Божия, гонители и хулители тех, кто ему следует.

Хотя многие из них и пришли повидать досточтимого отца — более из

любопытства, ибо никогда не видели европейского священника, нежели из желания спасти свою душу, — жрецы идолов, зачинщики гонений, не пожелали прийти. Поскольку же досточтимый отец весьма желал говорить с ними, дабы светом Евангелия явить им их слепоту и тем самым доказать, сколь мало у них оснований отвергать и преследовать веру, он передал им через язычников, пришедших его посетить, следующее:

«Я прослышал, находясь ещё далеко от вашей провинции, как вы преследуете моих учеников. Знайте же, что это я — причина того, что новообращённые христиане оставили почитание идолов и поклоняются единому истинному Всемогущему Богу. Если это, по-вашему, вина, то вся она лежит на мне, и я пришёл в ваши земли, чтобы дать отчёт в своём учении. Я был бы рад вступить с вами в диспут и доказать, что то, чему я учу, есть истина, добродетель и путь на Небо, и что, когда это заключение будет доказано, всякий человек обязан ему следовать».

На это предложение, которое досточтимый отец Иоанн де Бритту многократно и через разных лиц посылал им, они отвечали: что не станут ни говорить, ни спорить с ним, ибо он убивает детей, а после сожжения их тел посыпает пеплом лбы тех, кто с ним говорит; и что, как только он это делает, все оказываются околдованными и, не находя, что ему ответить, следуют его учению. И что если они пойдут говорить с ним и спорить о его секте, с ними случится то же самое: став христианами, вся провинция обратится в веру, а обратившись, подвергнется мору, который убьёт всех.

Многие дни прошли в обмене такого рода посланиями. В это время досточтимый отец окормлял таинствами христиан, бывших там, и наперекор адским силам преподавал катехизис двадцати четырём человекам, из коих крестил двенадцать, явивших величайшую веру, а других двенадцать оставил, дабы испытать в ней, и пришёл крестить их в следующем году.

Завершив всё, что ему надлежало сделать в Карабанту, и посетив христиан в окрестных землях, он перешёл в Ширрумбур, где христиан можно было окормлять мирно и куда спокойнее.

ГЛАВА XI. О том, как из-за гонения, воздвигнутого раджей Танджавура, он переходит в царство Джинджи, и о двух чудесных случаях, произошедших с ним в пути.

Когда он был весьма занят этими трудами, до него дошли вести, что по приказу раджи ищут его и брахманов-христиан в Тантуанчери, дабы схватить их. И что отряд солдат, посланный для этого, забрал всё, что было в убогом жилище досточтимого отца; и, не найдя того, чего искали, они передали всё на хранение стражнику селения, дабы тот в любое время мог дать отчёт о сбережённом.

Получив эти вести, досточтимый отец по совету старейших и опытнейших христиан решил перейти из царства Танджавур в царство Джинджи. И поскольку по суше это было невозможно, он с великими трудностями совершил переход морем, взойдя на судно в полночь и переменив одеяние, ибо в том, которое он носил в тех краях, ему нельзя было показаться.

Два месяца он пробыл в царстве Джинджи и по истечении их удостоверился, что может без опасности вернуться в Танджавур, ибо раджа был занят военными делами и не стал бы отвлекаться на дела веры.

На обратном пути в то царство ему пришлось пережить зиму необычайной суровости: ветер и дождь были так сильны, что, казалось, настал конец света. Переправившись вплавь через три реки, он был застигнут ночью в лесу. Чтобы он не погиб от жестокого холода и проливного дождя, Господь наш явил ему хижину, где он укрылся с христианином, своим спутником. Но более всего сокрушало досточтимого отца то, что его спутник, после столь долгого и трудного пути, оставался голоден, а он не мог ни утолить его голод, ни унять холод, пробиравший его до костей, ибо вся одежда на нём промокла. И когда скорбь досточтимого отца достигла предела, Господь наш явил ему Свою помощь: около полуночи явились двое, похожие на язычников, и принесли огня и дров, чтобы путники могли обсушиться. Также они принесли христианину, спутнику досточтимого отца, добрую еду, а ему самому — кувшин молока. (Следует заметить, что единственное, что он мог принять из рук другого человека в тех землях, чтобы подкрепиться, было молоко.) Досточтимый отец и христианин воздали многие благодарения Богу за это столь необычайное и неожиданное благодеяние. Вестников же этого дара он отблагодарил и дал им хорошее противоядие, которое носил с собой.

На следующий день досточтимый отец и христианин покинули хижину. Едва они пустились в путь, как снова пошёл дождь и не прекращался до четырёх часов пополудни, когда они подошли к реке под названием Манджавикаль. Попытавшись перейти её, они обнаружили, что это невозможно ни вброд, ни вплавь, ибо течение было слишком сильным. В тех лесах они встретили юношей-пастухов и стали усердно просить их дать им какую-нибудь большую лохань, чтобы сложить в неё книги досточтимого отца и их убогие пожитки и, держась за неё, перебраться через реку. Но, хотя им и была обещана добрая плата за эту услугу, те отказались, ибо селение их было далеко, и они не успели бы сходить туда и вернуться из-за сильного дождя. Досточтимый отец спросил, не найдётся ли у них места для ночлега. На это они ответили, что нет, ибо и сами они были бездомны и жили в шалашах.

Потеряв надежду найти приют на ночь и не имея возможности переправиться на другой берег, отец Иоанн сел под терновым кустом и начал читать Божественный оффиций, собираясь провести ночь там, где дождь, холод и голод (ибо весь тот день он шёл, ничего не вкусив) готовили ему участь, какую сулит любое из этих трёх бедствий. И когда досточтимый отец пребывал в таком положении, он увидел, как с другого берега реки бежит со всех ног юноша и кричит, спрашивая, где здесь подвижник, что хочет переправиться через реку, да не находит, кто бы его перевёз.

Он встал, воздавая хвалу Богу, и сказал, что это он. Услышав ответ, юноша тотчас переплыл реку, подошёл к досточтимому отцу Иоанну де Бритту и, оказав ему почтение, какое в тех землях принято оказывать инокам и подвижникам, сперва перенёс на другой берег его breviарий, несколько книг и одежду. Затем, вернувшись и сказав, чтобы тот не боялся, взял его за руку и перевёл на другую сторону реки. То же самое он сделал и для христианина, его спутника. Когда же

тот, переправившись, захотел отблагодарить своего благодетеля за оказанную милость, то обнаружил, что он исчез. И тогда они поняли, что благодарение за избавление от беды и опасности, в которой они находились, следует воздавать едино Богу. Придя в селение христиан, что было неподалёку, он рассказал о благодеянии, которое явил ему Бог, дабы они воздали Ему должную хвалу.

ГЛАВА XII. Из Ширукадамбура он отправляется посетить некоторые резиденции и, сражённый глазным недугом, чудесно исцеляется св. Франциском Ксаверием.

На следующий день, пройдя по грудь в воде, он прибыл в свою церковь в Ширукадамбуре, куда велел созвать христиан, кои во множестве стекаются в то место, дабы принять Святые Тайны и отпраздновать праздники.

Отпраздновав Рождество Христово, он пробыл там до конца 1679 года, за каковое время он крестил девятьсот человек. В начале 1680 года, когда был заключён мир между царьком Ореаром и Шиваджи, у него появилась возможность вернуться в свою церковь в Куттуре, хоть и с великим беспокойством и расходами, ибо пришлось выкупать убранство церкви в Тантуанчери, которое в прошлом году забрали те, кто приходил его схватить, как было сказано выше. Там он отпраздновал Пасху, проведя весь Великий пост в странствиях по царству Джинджи, посещая и преподавая таинства христианам провинций Вангамапатти, Таринадивалаон, Утрашилаборан и других в том царстве.

Затем он вновь вернулся в царство Танджавур, дабы посетить христиан в Шоламандаламе и преподавать святое крещение оглашенным, которые, будучи уже хорошо испытаны в вере, усердно о том просили. Удовлетворив их желание, к собственному великому утешению и назиданию, досточтимый отец перешёл в провинцию Манаркойл. Там из-за отсутствия подходящего места для крещения и свершения прочих таинств для верующих из низших каст он более пятнадцати дней провёл в густом лесу без дома и крова. И поскольку год был весьма засушлив, не находилось даже воды для питья, а та, что черпали из лужи, была смешана с грязью. И словно в довершение всех трудностей, в том месте не было недостатка ни в тиграх, ни в разбойниках. Но Господь, всемогущий во всём, избавил досточтимого отца и от дерзости разбойников, и от жестокости тигров.

Исповедав около двух тысяч человек и крестив до ста пятидесяти, он, хотя и вопреки желанию католиков, перешёл в провинцию Карарамбатту, дабы посетить новых христиан, что там жили. Он преподавал им таинства и днём вступал в диспуты с язычниками, которые, как мы уже говорили, суть злейшие враги миссионеров в том царстве. Обратив девятерых из них, людей из весьма добрых семей, и хорошо наставив их, он преподавал им святое крещение. Отслужив мессу в день великого патриарха св. Игнатия и сказав проповедь христианам, которые слёзно оплакивали отъезд своего досточтимого отца, он наконец простился с ними. Переправившись вплавь через многие реки, он прибыл в провинцию Тирукарапур. Там от непомерных трудов, когда природа уже не могла долее сопротивляться той непрестанной войне, что дух досточтимого отца Иоанна де Бритту вёл против неё, она, изнемогши под невыносимым бременем, сдалась. Он слёг с горячкой и нарывом на ноге, отчего был в великой опасности, но Богу было угодно избавить его и от этого.

К сей болезни в то же время прибавился и тяжкий недуг глаз: на правом глазу разросся губчатый нарост, так что все уже считали глаз потерянным. В течение восемнадцати дней он не мог найти покоя, ибо недуг не только не поддавался никаким лекарствам, но от тех, что ему давали, боль и хворь лишь усиливались. Досточтимый отец прибег к своему святому — Ксаверию — и в час величайшего страдания дал ему обет пребывать в миссии до самой смерти. Едва он произнёс его, боль, которая в тот миг была сильнее, чем когда-либо, утихла, и в скором времени он исцелился от недуга.

ГЛАВА XIII. О прибытии в резиденцию Куттур и о том, как христианам стало легче после смерти брахмана Алинаэкси.

Ещё не вполне оправившись от болезни, в конце ноября он вернулся в резиденцию Джинджи, чтобы посетить христианские общины на севере и отпраздновать Рождество в Куттуре. Там до него дошли вести о смерти брахмана Алинаэкси, главы и почти полновластного властителя того селения, где католиков насчитывалось более четырёхсот.

Брахман этот, будучи заклятым врагом Закона Божия, с помощью лжесвидетелей много раз клеветал на христиан перед языческими правителями тех земель и замыслил сжечь их церковь, дабы и духу христианского в его владениях не осталось. Но Господь наш Бог наказал его гордыню и злобу. Ибо однажды вечером, созвав христиан, он объявил им, что на следующий день желает совершить жертвоприношение своим богам, и что они должны не только оплатить все расходы, но и присутствовать при сём действе.

Христиане воспротивились, заявив, что не станут ни платить за подобное, ни присутствовать на нём. Разгневавшись, брахман принялся хулить Закон Божий и сказал, что на следующий день явит им свою власть, исполнив задуманное. Но Господь наш, Который, хоть и предлагает грешнику прощение, не обещает ему отсрочки и до завтрашнего дня (ср. Лк. 12:20), в ту же ночь внезапно сразил его, к изумлению всех, даже самых упорных язычников, и к немалому облегчению христиан, кои познали в том кару Божию, ибо Господь сим способом избавил их от ярости столь жестокого врага.

К этому чуду Господь наш Бог присовокупил и многие другие, ибо некоторые, приходившие слушать катехизис, дабы избавиться от козней сатанинских, обретали великий мир в душе и доброе здоровье телесное. Число крещёных в тот год достигло семисот.

В начале 1681 года досточтимый отец Иоанн де Бритту находился в царстве Джинджи, где провёл Великий пост и отпраздновал Пасху при великом стечении народа. Число принявших Святое Причастие превысило четыре тысячи, а крещёных — триста.

ГЛАВА XIV. В которой описывается, как он отправляется посетить христианскую общину Шоламандалама, а также повествуется о некоторых чудесах, произошедших в то время.

Отпраздновав Пасху со всей возможной торжественностью наперекор язычникам,

он в то время, когда ему надлежало отправиться в царство Танджавур, дабы посетить ту столь покинутую христианскую общину, был послан по приказанию начальствующих в Сан-Томе. Оттуда он вернулся в начале июня и тотчас отправился в Шоламандалам, что в царстве Танджавур, где враги веры не преминули его преследовать. И поскольку не было у него там ни дома, ни удобной церкви, где могли бы собираться христиане всех каст, он, скитаясь по лесам, чащам и домам самих христиан, окормлял всех, как получалось. Но поскольку он не мог сделать всего, что было необходимо для окормления той христианской общины, величайшей его скорбью было видеть, как многие из-за отсутствия пастыря оканчивают жизнь без необходимой в последний час помощи святых таинств. Ведь резиденция его была столь обширна, что, когда он окормлял одну её часть, другая оставалась совершенно покинутой. И когда издалека до него доходил зов к больному, то к тому времени, как он прибывал, он заставлял того либо уже мёртвым, либо чудесно исцелённым. И оттого, что душам в их смертный час недоставало помощи пастырей, он со страхом и пламенной любовью оплакивал участь этой христианской общины, которой грозило исчезновение.

В том году Господь наш Бог избавил его от великих опасностей и явно покарал тех, кто искал убить его и причинить ему зло из ненависти к Закону Христову. Пробыв пятнадцать дней в лесах Тирувадантура, он отправился оттуда в одно воскресенье вечером в Карабанту. В ту же ночь разбойники, думая, что он всё ещё в лесу, по приказу начальника стражи провинции, пришли искать его, чтобы убить и ограбить, как они сами потом рассказывали. Но Бог, без чьей воли ничто не движется, избавил его от того, чтобы стать жертвой ненависти этих злодеев, чьи замыслы были полностью расстроены. Тщетной осталась и их алчность, ибо им не досталось добычи, которую они воображали найти.

В начале ноября в течение трёх дней дул столь сильный и яростный ветер, сопровождаемый таким проливным и упорным дождём, что и самые старые люди не помнили подобного. И хотя все земли испытали на себе губительную силу ненастья, царство Танджавур и его провинции в Шоламандаме пострадали в наибольшей мере. В одной лишь провинции Тируварур, которая весьма мала, число погибших от бури и наводнения превысило десять тысяч, и ни один из них не был христианином, хотя там и жило множество исповедовавших Закон Божий.

В провинции Панданаллур, где потери были меньше, велика была кара, которую Бог ниспослал на брахмана, что два года назад хотел схватить досточтимого отца Иоанна де Бритту в Тантуанчери. Будучи весьма богат, он захотел спасти свои деньги. Видя, что потоп заливает его дворы, и боясь там погибнуть, он взял всё золото и серебро, что имел, и вышел из дома. Но, пройдя всего несколько шагов, он был подхвачен ураганным ветром и ливень сбил его в реку. Через три или четыре дня его нашли мёртвым на берегу, далеко от того места. И он был единственным человеком, погибшим в ту бурю в провинции Панданаллур.

Тогда же из-за бури до восьмидесяти христиан собрались в одном доме, который показался им самым крепким, ибо их собственные дома уже унёс потоп. Проведя там всю ночь в непрестанной молитве с одним катехизатором, наутро, когда ветер утих, они все вышли наружу, и дом тотчас рухнул. Этот случай вызвал изумление даже у многих язычников, и некоторые из них обратились.

Из-за разрушений, причинённых этой бурей, которые были огромны, оглашенные не смогли прийти, чтобы принять святое крещение, и потому число крещёных не превысило восьмисот.

Завершает же повествование о событиях 1681 года в той резиденции рассказ о каре, которую Бог ниспослал на одного великого врага Своего святого Закона и его проповедников. В царстве Джинджи жил один знатный и могущественный человек, чья ненависть к проповедникам Евангелия была под стать его могуществу. Однажды он приказал сжечь дом и церковь, которые досточтимый отец имел в Колее. И хотя Господь наш Бог тогда просто воспрепятствовал этому злу, ныне Он, в назидание другим, соблаговолил ниспослать ему кару, заслуженную его грехами. Ибо, помимо того, что его собственный дом со всем, что в нём было, сгорел вскоре после того, как он приказал сжечь дом досточтимого отца, он, не в силах снести притеснений, которые ему чинили царские слуги из-за большого долга, принял яд и умер, дабы миссионеры могли жить, свободные от столь великого супостата.

В январе 1682 года досточтимый отец Иоанн де Бритту находился в своей резиденции в Куттуре, что в царстве Джинджи, которое оплакивало неутешными слезами жестокость, с какой там правил, или, вернее, тиранствовал, бесчеловечный Шиваджи. Пробыв там до апреля, он с величайшим стечением христиан свершал все Божественные службы Страстной седмицы. Кстати представился и случай, и возможность служить их с подобающей торжественностью, ибо, по счастью, в указанное время с ним в той церкви находились ещё два священника: о. Домингуш де Алмейда, впоследствии ставший ректором коллегии в Сан-Томе, и о. Жозеф да Силва, который из-за войн в своей резиденции удалился в Куттур.

Поскольку для большей части христиан священные обряды этих святых дней были в новинку, они преисполнились веры, благоговения и изумления. И оттого, что на праздник Пасхи собралось более пяти тысяч душ, мессу служили не в церкви, а на просторном поле, дабы все могли её слышать. Отцы Домингуш де Алмейда и Жозеф да Силва, хотя и были весьма нездоровы, не только совершили все службы Страстной седмицы, но и с неослабным рвением днём и ночью принимали исповедь, так что почти все христиане, пришедшие на праздник, исповедались и приняли Святое Причастие. А Бог, Который украсил их столь образцовыми добродетелями, даровал им силы и на столь чрезвычайный труд.

ГЛАВА XV. По велению своего настоятеля он отправляется на Рыбацкий берег и в Траванкор.

После праздника Пасхи о. Домингуш де Алмейда поехал в резиденцию Каракапатту, а о. Жозеф да Силва, оправившись от тяжелейшей болезни, едва не сведшей его в могилу, по послушанию отбыл в резиденцию Нунуадану. Когда же досточтимый отец Иоанн де Бритту собрался в путь в царство Танджавур, до него дошли два известия. Одно — от катехизаторов того царства, сообщавших, что правитель восточных провинций отдал приказ о его аресте. Другое — от о. Андре Фрейре, который велел ему отправиться на Рыбацкий берег и в Траванкор для устроения некоторых дел с отцом-провинциалом.

Исполняя свой долг послушания, досточтимый отец отправился на Рыбацкий берег. Но поскольку время было неподходящее для плавания, не нашлось ни одного судна. Посему он пустился в путь на плоту, причём с величайшим риском и трудом, ибо южные ветры дули в лицо, северные течения были необычайно сильны, а море — свирепо. Как ни старались досточтимый отец и его спутники, они не смогли достичь Рыбацкого берега. После четырнадцати дней пути досточтимый отец пристал к берегу в землях Маравы и оттуда сушей добрался до Рыбацкого берега, которого никогда прежде не видел. Там он встретился с большинством отцов, трудившихся в той христианской общине, и остался премного благодарен им за великое милосердие и благоволение, с коими они его приняли.

Он обрёл великое назидание, видя в них, среди прочих сияющих добродетелей, апостольское рвение и твёрдую решимость, с какой они неустанно трудились в винограднике Господнем. И хотя радушие и пример отцов склоняли его задержаться долее, долг, приведший его туда, заставил его превозмочь и своё желание, и желание сих добрых братьев. Итак, он отправился на побережье Траванкора, где в коллегии в Топо нашёл отца-провинциала Гашпара Афонсу, который принял его с необычайным благоволением и дивным радушием.

Досточтимый отец Иоанн де Бритту изложил ему дела, ради которых был послан отцом Андре Фрейре. Получив благословение, он снова отправился в свою миссию; радушный приём, рвение и прочие добродетели как отцов Траванкора, так и отцов с Рыбацкого берега в равной мере исполнили его сердце благодарностью и назиданием. Все они показались ему истинными братьями и подражателями святого Франциска Ксаверия, апостола того христианского края.

ГЛАВА XVI. Он восходит на корабль со своими спутниками и направляется в царства Джинджи и Танджавур. Повествуется о некоторых случаях, произошедших после его прибытия в упомянутые царства.

Завершив в Тутикорине дела своей миссии, он взошёл на корабль, взяв в спутники оо. Жерониму Теллеша и Луиша де Меллу. Эти мужи, известные своей добродетелью и редким умом, были из тех немногих, кто отважился на подвиг сей великой миссии, ибо опыт показывает, сколь тяжки её труды для вступающих на это поприще. Их плавание в царство Джинджи продлилось тридцать пять дней; за это время они трижды были вынуждены приставать к берегу и дважды находились на волосок от гибели. В первый раз — когда их судно дало течь во время бури, во второй — когда мавры-моряки покинули их в дырявой лодке без парусов и вёсел. Но от всех этих бедствий Богу было угодно избавить их по Своему бесконечному милосердию и неисповедимому Провидению.

В царстве Джинджи, куда досточтимый отец прибыл в конце сентября вместе с оо. Жерониму Теллешем и Луишем де Меллу, он оставался до восемнадцатого декабря. Великим утешением для него было видеть их пламенное усердие как в изучении тамильского языка, так и в ревности о спасении душ.

Восемнадцатого декабря он отправился в царство Танджавур, дабы посетить христианские общины в провинциях Панданаллур, Рараджапатту, Тиракауру, Манаркойл и Ведараньям, что у мыса Каньякумари. Год тот он завершил, крестив

восемьсот двенадцать человек; плоды же могли быть и обильнее, если бы не частые отлучки, из-за которых он почти шесть месяцев провёл вне пределов своей миссии.

В той резиденции Бог явил и другие чудеса. Так, Он избавил нескольких одержимых, чьи души диавол поработил идолопоклонством, а тела угнетал недугами; но, с верою выслушав катехизис, они освободились от обоих видов тирании. А другим чудом было то, что, когда благочестивые христиане читали катехизис над больными и окропляли их святой водой, те обретали здоровье.

В течение многих лет досточтимый отец, движимый несравненным рвением о славе Божией и пламенным желанием спасения душ, убеждал христиан не селиться в деревне Помпетти, ибо видел в том препятствие к обращению душ. В предыдущем году он с ещё большим усердием настаивал на этом. И Бог явил христианам, что совет их пастыря угоден Ему, и что ему надлежит не только внимать, но и повиноваться. Случилось так, что в доме одного из христиан вспыхнул огонь и, стремительно распространяясь, перекинулся на дома других. И поскольку все они были крыты соломой, пламя в короткое время поглотило их со всем имуществом. Наибольшее же изумление вызвало то, что два дома язычников, стоявшие посреди христианских и также крытые соломой, огонь пощадил, перекинувшись на дома христиан, что были дальше.

Узнав об этом, досточтимый отец Иоанн де Бритту призвал их к себе и сказал: «Света этого великого и чудесного пожара довольно, чтобы вы узрели, что Богу не угодно ваше пребывание в сей земле. Знайте же, что тех, кто не откроет глаз, ждёт суровая кара, ибо в следующем году молния с небес ударит в дом одного из вас».

Вразумлённые и тронутые этим действенным предостережением, они решились покинуть то селение и переселиться в другое. И в том же месяце нового, 1682 года, предсказанная молния ударила в дом того христианина, который дольше всех прожил в том селении. Но поскольку он уже жил в другом месте, то не испытал на себе кары, но познал, как и прочие, что если бы он остался там, то непременно бы её испытал. И они поняли, что предостережения их досточтимого отца были внушениями свыше, а угрозы его направлены на благо их душ и на избавление тел от кар небесных.

ГЛАВА XVII. О диспуте с пандитами, в коем он их одолел.

В начале 1683 года, когда он находился в самых южных землях, что граничат с Маравой в провинции Мыса¹, к нему пришли двое язычников из тех, что у них зовутся пандитами. Гордыня, с какой они вели спор, показывала, что в них было больше желания оспорить истину, нежели её познать.

Среди всего этого язычества бытует одно известное заблуждение, которое они называют «Начертанием на челе»². Суть его в том, что, по их утверждению, их бог Брахма пишет на челе каждого человека всё, что тот будет воображать, говорить и делать. И это «Начертание» есть причина, предшествующая всем человеческим деяниям, и столь действенная, что ни сам Брахма, ни остальные триста тридцать миллионов богов (ибо столько божеств они признают) не могут ему

воспрепятствовать. Об этом-то знаменитом заблуждении и захотели спорить с досточтимым отцом Иоанном де Бритту сии пандиты.

Он принял вызов. Когда они изложили вопрос, он спросил их: «Какое у вас основание признавать такое Начертание?» Они отвечали: «Основание то, что так говорят все наши пандиты, и у нас это есть первейшее начало, которое не отрицается и не подвергается сомнению». Он спросил их далее: «Может ли ваш бог изречь ложь?» Они отвечали: «Нет». Тогда он возразил им так: «У вас есть две секты, противоречащие друг другу и враждебные между собой. Одна — секта Вишну, чьи последователи говорят, что лишь он есть Бог, а не Шива. Другая — секта Шивы, и те, кто ей следует, утверждают, что лишь он есть Бог, а не Вишну. Итак, Брахма, как вы признаёте, не может изречь лжи. Следовательно, он не мог начертать на челе этих сектантов, что Вишну *есть* и *не есть* Бог, и что Шива *есть* и *не есть* Бог, ибо утверждать, что одно и то же лицо *есть* и *не есть* Бог, — явная ложь. Откуда следует, что то, что говорят последователи секты Вишну — что лишь он есть Бог, а не Шива, — и то, что утверждают последователи секты Шивы, — что лишь он есть Бог, а не Вишну, — есть следствие свободной воли, а не Начертания на челе, которое вы приписываете вашему Брахме, ложно именуя его безошибочной истиной. То же самое следует и из прочих деяний».

Не удовольствовавшись неопровержимым, очевидным и убедительным следствием этого довода, который, воистину, не имеет решения, он прибег ещё к одному, не менее действенному: «Из двух противоречащих друг другу суждений, если одно истинно, другое непременно должно быть ложным. Вы говорите, что „Начертание на челе“ существует; я отрицаю, что „Начертание на челе“ существует. Вот два противоречия, из коих одно истинно, а другое непременно ложно. Итак, вы должны сказать: либо я отрицаю это потому, что так хочу, либо потому, что Брахма так начертал на моём челе. Если вы скажете, что я отрицаю это потому, что так хочу, то я заключаю: следовательно, я прав, говоря, что не существует „Начертания на челе“, которое было бы необходимой причиной всего, что люди говорят и делают, но все сии деяния суть следствия свободной воли. Если же вы скажете, что я отрицаю это потому, что Брахма так начертал на моём челе, то, поскольку он никогда не может лгать, как вы сами говорите, следует, что моё суждение истинно, а именно: „Начертания на челе не существует“. Следовательно, ложно ваше противоречащее ему утверждение: „Начертание на челе существует“».

Убеждённые столь очевидными доводами, точными, как вычисления, и не находя, что ответить, язычники, упорствуя в заблуждении, попытались скрыть своё явное невежество, осыпав бранью досточтимого отца. И они обошлись с ним так дурно, что если он и не отдал в тот раз жизнь за веру, то не от недостатка мучений, но потому, что Божественное Провидение хранило для него славу этой последней жертвы до другого случая.

¹ *Провинция Мыса (порт. a provincia do Cabo) — имеется в виду регион вокруг мыса Коморин (Каньякумари), самой южной точки Индостана.*

² *«Начертание на челе» (порт. Escritura da cabeça) — европейское описание тамильской индуистской концепции талай-эжутту (талаивидхи), согласно которой бог-создатель Брахма записывает на черепе каждого новорождённого его*

судьбу, предопределяя все события его жизни.

ГЛАВА XVIII. Повествуется о гонении, воздвигнутом на христиан в царстве Джинджи.

Из провинции Мыса он отправился в Манаркойл, а оттуда — в Кумбаконам, проведя в пути пятнадцать дней. За это время он преподавал многим таинства, поспешая к умирающим и крестя тех, кого нашёл хорошо наставленными катехизаторами, которых он поставил в тех провинциях.

Затем он перешёл в царство Джинджи и задержался в Куттуре до празднования Пасхи, пребывая в немалой тревоге, ибо получил верные известия, что правитель Палайма¹ намеревается схватить его во время этого торжества. Это подтвердил досточтимому отцу и писарь порохового склада, христианин великой веры, который за неё много претерпел со всеми своими родными. А незадолго до того тот же самый правитель велел огласить указ, в котором говорилось: «Тот писарь и все прочие христиане, за то, что они суть таковы, объявляются бесчестными. Посему, как таковым, им повелевается покинуть селения, где они доныне жили, и обитать вместе с презренными париями, ибо они — то же, что и парии. И да не коснётся ни один язычник ни их самих, ни даже одежд их, ибо одного прикосновения довольно, чтобы самому стать бесчестным».

Это оскорбление, которое в тех землях почитается горше, чем быть битым кнутом, повешенным и четвертованным, они претерпели с великим терпением и покорностью воле Божией. И когда они пришли просить совета у своего досточтимого отца, как им поступить, он сказал им словами святого Павла: что к Небу мы должны идти *Sive per infamiam, sive per bonam famam* (через бесчестие или честь; ср. 2 Кор. 6:8), и что к ним обращены слова Христа: *Beati eritis, cum separaverint vos* (Блаженны будете, когда отлучат вас; Лк. 6:22). И посоветовал им покинуть ту крепость и отправиться в иные земли, где они не испытали бы столь великой жестокости.

Сии христиане, кажется, избрали второй из предложенных вариантов, ибо, выслушав с великим утешением совет досточтимого отца Иоанна де Бритту, они твёрдо решились покинуть крепость и должности, которые в ней занимали. Но и этому решению воспротивился правитель, которого, как и некоего капитана, зачинщика всего гонения, не замедлила постигнуть кара: он в скором времени зачах и окончил свою жизнь злосчастно, дабы вечно мучиться в аду.

Поскольку дела в царстве Джинджи были в таком расстройстве, досточтимый отец решил перейти в царство Танджавур, где христианская община была больше, но и беспокойства было не меньше. И когда он уже собирался в путь, до него дошли вести, что дела христианской общины в том царстве были в ещё большем смятении, нежели в Джинджи. Ибо правитель восточных провинций, где досточтимый отец лет пять тому назад построил скит, поклялся предать мечу всех христиан. Подстрекал его к этому главный стражник тех провинций, заклятый враг Закона Божия, по имени Раманаяк², человек бесчеловечный и злобный. И как таковой, в силу своей должности, он внушал великий страх и почтение тем народам; даже сам раджа не мог ни схватить его, ни наказать за его дерзости, поскольку тот жил в Транкебаре, в крепости датчан. И оттого он

становился всё более надменным и жестоким.

Когда же этот тиран [Раманаяк] пришёл посетить того правителя, он настоятельно просил его сжечь скит, который досточтимый отец построил в Ширукадамбуре, а затем, отобрав под вымышленным предлогом какой-либо вины у христиан всё, что у них было, изгнать их из своих владений и сжечь их селения; ибо они были столь дерзки, что продали живого быка пранги из крепости Транкебар, чтобы те его съели. Этой вины в тех царствах было достаточно для величайших и позорнейших кар. Кроме того, Раманаяк наговорил правителю много другой лжи и хулы на Закон Божий и его проповедников.

Невероятен и неопишуем гнев, который выказал правитель против христиан, выслушав эту речь, и он поклялся тотчас приказать сжечь все селения христиан и предать всех мечу. Однако его родственники, опасаясь датчан, убедили его пока не приводить эту кару в исполнение, но выждать до более удобного случая.

Некоторые воины-христиане, как из свиты правителя, так и из свиты начальника стражи, услышав эту речь, в ту же ночь предупредили католиков, чтобы те были начеку. Те же, посоветовавшись, решили отправиться к правителю, который тогда был неподалёку, и убедить его потребовать доказательств тех преступлений, в которых обвинял их главный стражник. Правитель, не открывая им своих замыслов, принял их с изъявлением благоволения, поручил им хорошо возделывать земли, дабы раджа не понёс убытка, и, не упоминая о деле, отпустил их с притворной любезностью.

¹ *Палаям (порт. Palião) — укреплённое поселение или город, управляемый вождём-палаийяккарамом (полигаром).*

² *Раманаяк (порт. Ramanaque) — распространённое имя (Рама) и титул (наяк) в Южной Индии.*

³ *Город Транкебар (ныне Тарангамбади) на Коромандельском берегу был датской колонией с 1620 по 1845 год. Датская Ост-Индская компания построила там мощную крепость — Форт Дансборг. Находясь под защитой европейской державы, местный чиновник, такой как Рама-наяк, действительно мог чувствовать себя в безопасности и безнаказанно выступать против своего раджи.*

ГЛАВА XIX. О том, как гонение не удалось остановить письмом от князя Ореара, и как оно прекратилось лишь с позорной смертью своего зачинщика.

Услышав это, христиане, дабы не навредить воинам, что их предупредили, благоразумно умолчали о своих намерениях и обо всём донесли досточтимому отцу Иоанну де Бритту. Они умоляли его послать к князю Ореару и испросить у того покровительственное письмо к правителю. Ибо, рассуждали они, зная, что столь почитаемый и могущественный князь не только держит сих христиан в своих землях, но и благоволит к ним, правитель не посмеет обрушить на них те кары, к коим подстрекал его тиран Раманаяк.

Досточтимый отец отвечал: «Письмо это может стать причиной ещё большей

беды. Ибо если правитель ответит князю Ореару, что христиане продают быков пранги, чтобы те их убивали, то князь восплает к ним величайшей ненавистью и причинит им тягчайший вред. Ведь вине этой нет прощения в тех землях, где не разбирают, истинно ли сказанное или нет, но одного доноса довольно, чтобы свершить кару».

Однако этих доводов оказалось недостаточно, чтобы брахманы и кшатрии из числа христиан сочли, что лучше не просить письма из-за опасностей, на которые указал досточтимый отец, нежели испросить его по причинам, которые они изложили. Все, кто настаивал на просьбе, утверждали, что это единственный способ спасти от гибели ту христианскую общину. И досточтимый отец, рассудив, что в деле столь важном было бы безрассудством предпочесть своё суждение суждению всех местных жителей, велел просить у князя письма, которое тот немедленно и даровал.

Письмо князя Ореара гласило: «Я, князь Ореар, добрый государь, владеющий великими богатствами и предводитель пехоты, храню тебя, Поннамаратана, в своей памяти. Тебе хорошо известно, что я держу в своих землях и с великой честью принимаю инока Господа всего сущего. Из почтения к нему я построил для него дом, где он живёт и учит своих учеников. Я знаю, что упомянутый иннок имеет также дом и многих учеников в землях твоего правления. Посему повелеваю тебе вести его дела с таким великим благоволением, чтобы заслужить мою признательность».

Письмо это доставил один солдат-христианин. Не открывая, что он христианин, он вручил его правителю, который в тот час принимал просителей. Тот же немедленно продиктовал следующий ответ: «Я, раб Вашего высочества, взирая на Ваши царственные стопы, распростёршись ниц, поклоняюсь Вам. Я принял, как превосходный дар, царственное письмо Вашего высочества и смиренно говорю: Ваше высочество благоволит к тем, кто следует учению Господа всего сущего, ибо не имеет истинных сведений об их поступках. Они столь низки и дерзки, что, не уважая законов и невзирая на грех, не только продают своих быков живьём пранги, но и покупают чужих, чтобы продать их в Транкебар и Нагапатнам. Сии же пранги, будучи народом гнуснейшим, низайшим, бесчестным и варварским, без страха пред Богом и людьми, тотчас «понуждают пасть» упомянутых быков (слова «убивать быков» ни один язычник не произнесёт публично), расчлениают и поедают их. Великое злодейство этого ужасного святотатства хорошо известно Вашему высочеству, коему всё ведомо. Преступление доказано моим господином Багупандидемом, который расставил соглядатаев, дабы удостовериться в истинности этих сведений, и повелел мне раз и навсегда покончить с этим народом. И, Ваше высочество, как весьма ревностный любитель добродетели и поборник справедливости, соблаговолите не препятствовать мне, ибо в противном случае бесчисленное множество быков и коров падёт, а на нас ляжет бремя столь омерзительного злодеяния за то, что мы не воспрепятствовали ему заслуженной карой. Дабы же исполнить над этим злодейским народом повеление моего господина, я ожидаю соизволения Вашего высочества».

Не удовольствовавшись столь позорным и лживым ответом, злокозненный правитель, дабы сделать досточтимого отца и христиан ещё более ненавистными в глазах народа, прежде чем отправить письмо князю Ореару, велел прочесть его

публично. А затем, чтобы все имели возможность с ним ознакомиться, он вручил его солдату открытым. Но тот, будучи христианином, принёс его досточтимому отцу Иоанну де Бритту. Отец Иоанн, по опыту зная обычаи тех земель, оставил письмо у себя. Ибо, попади оно в руки князя, помимо прочих бед, которые оно могло навлечь на христиан и на досточтимого отца, упомянутый князь велел бы прочесть его публично, как того требует варварский обычай тех царств, что, без сомнения, обернулось бы великим поруганием Закона Божия. Ради чести этого Закона он велел христианам непрестанно молить Господа нашего, дабы Он соблаговолил вмешаться и не допустить, чтобы ложь восторжествовала над истиной. И Господь, кажется, услышал мольбы столь скорбящих сердец, ибо через два месяца тот правитель был с величайшим позором низложен, так как было доказано, что провинился перед царём казнокрадством.

И Богу было угодно, чтобы позор его стал ещё больше. Ибо во время необычайного стечения народа, случившегося двадцать четвёртого июля по случаю солнечного затмения, когда почти все язычники отправились совершать омовение в море, там, в дальнем конце царства, где стоит пагода, почитаемая за древнейшую во всей той империи, разнёсся упорный слух, что раджа приказал отрубить правителю руки и ноги за воровство. И хотя со временем выяснилось, что весть эта была ложной, пущенной его врагами, позор, который он претерпел от неё перед столь неисчислимой толпой, был самым настоящим.

ГЛАВА XX. Отец Иоанну де Бритту отправляется в северные земли. Повествуется о трудах, что он претерпел в пути, и о том, как раскрылся заговор, устроенный против него врагами Закона Божия.

Полагая, что в апреле не время отправляться в царство Танджавур из-за того врага, что всё ещё был у власти, и рассудив, что благосклонность раджи и вельмож обеспечивает тому незыблемость его положения, досточтимый отец отправился на север, дабы посетить христианские общины в провинциях Ветаванам, Тируваннамалай и Ченгам, а оттуда направиться в царство Голконда, откуда до него доходили вести о великих надеждах на обращение.

Попрощавшись в Корнапатту с о. Жерониму Теллешем и проведя три дня в пути, он прибыл в селение под названием Танрей, что лежит между Ветаванамом и Тируваннамалаем. Там он прожил почти месяц посреди леса, где домом ему служили два больших валуна, кровом — дерево, что росло меж ними, а церковью — навес, который он устроил для служения мессы.

Невозможно описать, что он с христианами, которые его сопровождали, претерпел в тех лесах, обитая в местах, кишящих тиграми, змеями и прочими смертоносными тварями. Ибо, помимо того, что в то время стоял жестокий зной, а жара от леса и скал, в которых отражалось солнце, была невыносимой, недостаток самого необходимого для жизни был огромен, и не меньше — лишение сна. Ведь ночи напролёт ему приходилось проводить в непрестанном бдении, крестя оглашенных, наставляя и исповедуя христиан, служа им мессу на рассвете, так что с первыми лучами зари все уже расходились по своим деревням. Днём же у него едва хватало времени на чтение Божественного официина, ибо всё остальное время уходило на непрерывные диспуты с язычниками, для которых приходилось вооружиться особым терпением, дабы сносить несносные и грубые

оскорбления, что они ему наносили, и отвечать на бестолковые вопросы, что они ему задавали.

Но тщетны были все предосторожности, ибо диавол уже преследовал его через своих адских слуг. В одну пятницу, на шестой день его пребывания в том месте, ранним утром, когда христиане уже разошлись по своим деревням, двое воинов из постыдной секты лингятов напали на одного, что замешкался, и стали допрашивать его о досточтимом отце Иоанне де Бритту, ибо твёрдо решились убить его и свершить наконец то, что столько раз замыслили. Причиной, побудившей их к этому, было то, что они считали досточтимого отца гордецом и наглецом, который, невзирая на запрет властей и правителей тех земель приходить туда и проповедовать столь новое и противное обычаям местных жителей учение, без всякого уважения к их приказам возвращался и учил всех своей доктрине.

Когда воины с особой жестокостью допрашивали бедного христианина, стражник той деревни, обязанный нести ночной дозор и докладывать о всех приходящих и уходящих, узнав в христианине своего родича, сказал воинам оставить его, ибо он ничего не знает о том, о чём они спрашивают, а пришёл лишь навестить его и, спасаясь от дневного зноя, ушёл на рассвете. Услышав это, воины оставили его, и тот поспешил рассказать досточтимому отцу о случившемся и о том, что воины находятся от них на расстоянии брошенного камня.

Услышав это, досточтимый отец тотчас велел спрятать литургическую утварь среди скал и с несколькими христианами, бывшими при нём, предался молитве, уверенный, что Господь наш Бог хочет даровать им случай умереть за Него в тот же день, в пятницу, когда Он Сам умер, чтобы даровать им жизнь [вечную]. И христиане, бывшие там, говорили друг другу: «О, если бы выпало нам такое счастье — умереть за Того Господа, Который соблаговолил отдать за нас Свою жизнь! О, если бы выпала нам такая доля, чтобы Бог явил нам милость стать сегодня первыми христианскими мучениками в сих краях!»

Так говорили спутники досточтимого отца, коих было восемь. И если так говорили ученики, можно представить, что исповедал бы учитель. Но поскольку воины не смогли отыскать места, где укрывался досточтимый отец и его спутники, то, едва рассвело, они удалились.

Хотя в тот раз диавольские замыслы язычников и были расстроены, а пламенные желания христиан — не исполнены, диавол не оставил попыток преследовать их в том краю, а взялся за это ещё яростнее. Ибо, поскольку царёк Шилланаяк, от имени раджи Майсура, вёл военные действия в царстве Джинджи, в провинциях Ветаванам и Тируваннамалай, где находился досточтимый отец, умножились убийства и грабежи. И так как всё пришло в смятение, каждый делал, что хотел, и никто не чувствовал себя в безопасности. Распущенность в то время дошла до того, что один солдат хладнокровно убил единственного сына самого правителя провинции Ветаванам, чтобы ограбить его, похитив драгоценности. Совершив убийство и грабёж, он в тот же час вернулся в крепость, где находился правитель. Тот же, не найдя сына, велел его искать, и его нашли изрубленным на куски в пещере. И, зная, что упомянутый солдат сопровождал его в тот вечер, правитель схватил его, и, поскольку на мече его ещё была кровь, тотчас велел посадить его

на кол.

Не прошло и нескольких дней после этого злодеяния, как близ леса, где находился досточтимый отец Иоанн де Бритту, среди бела дня у одного купца отняли семьдесят золотых монет. Когда ограбленный пошёл жаловаться правителю провинции, который по закону обязан возмещать убытки от краж, некоторые из его слуг, враги Закона Божия, посоветовали ему возложить вину за грабёж на досточтимого отца Иоанна де Бритту, сказав, что христиане, которые отовсюду стекаются к нему, совершили это преступление по его приказу. И что под этим предлогом он сможет схватить его и вволю поглумиться над ним. И что, даже если он отпустит его живым, то сможет приказать ему не возвращаться в те земли для проповеди своего учения.

Поскольку правитель и сам был заядлым врагом как христиан, так и досточтимого отца, этот совет показался ему превосходным, и он тотчас послал пеших и конных, чтобы схватить его. Но, поскольку настоящие грабители были обнаружены иным путём, злодейский замысел против невинного был отложен до явного изобличения сообщников.

ГЛАВА XXI. Он вступает в царство Голконда, возвращается на юг в царства Джинджи и Танджавур. Повествуется о знаменательном чуде, сотворённом по заступничеству св. Франциска Ксаверия.

Оставив царство Джинджи, досточтимый отец перешёл в великое царство Голконда. Прибыв в Утарараналлур, город весьма многолюдный и торговый, где в то время открылся путь на небо, он обнаружил, что многие там решились оставить поклонение своим ложным богам. В день Святого Духа он крестил сто восемьдесят человек, которые, по его мнению, получили достойное наставление, и преподал катехизис многим другим. Но, поскольку он не мог там задерживаться, то, оставив в тех краях двух катехизаторов, снова отправился на юг. Пройдя через царство Веллур, он перешёл в Джинджи, где задержался лишь на пятнадцать дней, чтобы крестить оглашенных и преподать прочие таинства христианам. И тотчас отправился в Танджавур, понуждаемый в пути уже начинавшимися разливами и наводнениями рек.

Посетив христианские общины в провинциях того царства, он прибыл в селение под названием Шатипари, где в доме одного христианина устроил небольшую часовню и узнал, что Господь наш сотворил там неподалёку великое чудо по заступничеству Апостола Востока.

Чудо было таково: в мае трое юношей пасли скот и, спасаясь от сильного ливня, укрылись под раскидистым деревом. Оно, хоть и защитило их от дождя, не защитило от удара молнии, которая поразила их насмерть. Когда позднее отцы искали своих сыновей, они нашли всех троих мёртвыми у подножия того дерева. И поскольку двое из них были язычниками из постыдной секты лингаятов, чьего идола они носили на шее, родственники похоронили их согласно обрядам своей секты. Третьего же, который был христианином и которого досточтимый отец крестил в прошлом году, родители, также принявшие крещение из рук того же досточтимого отца, отнесли домой, чтобы похоронить его по обряду Святой Матери Церкви.

Когда тринадцатилетнего отрока уже приготовили к погребению, мать его, сокрушённая горем, но ещё более укреплённая в вере и благоговении, обратилась к святому Ксаверию с таким любовным сетованием: «Славный святой, я лишь недавно услышала святой Закон Господа нашего, и обратилась, и приняла крещение, имея твёрдую уверенность, что Сам Господь по твоему заступничеству будет нас защищать и благоволять всем моим делам. И так я свидетельствовала всем моим родственникам-язычникам, которые теперь попрекают меня столь злосчастной смертью моего сына, носящего твоё имя. Но чтобы все они познали, что с именем он стяжал и твоё покровительство и что не бывают посрамлены уповающие на Божественное милосердие, во славу Самого Господа прошу тебя: испроси жизнь этому моему сыну».

Диво дивное! Едва мать окончила молитву, как сын поднялся живым и невредимым. Родители принесли его в церковь с даром святому, весьма утвердившись в вере.

Посетив христианские общины в провинциях Манаркойл и у мыса Каньякумари, досточтимый отец в канун праздника св. Лаврентия прибыл в свой домик в Ширукадамбуре, куда стекалась большая часть христиан царства Танджавур.

ГЛАВА XXII. Как был расстроен указ одного правителя, повелевшего отрубить голову досточтимому отцу Иоанну де Бритту; и как он перешёл из Танджавура в царство Джинджи. Повествуется о некоторых чудесных случаях, произошедших там.

Восьмого сентября новый правитель тех провинций, преемник того, что писал князю Ореару против досточтимого отца Иоанна де Бритту и его христиан (как было сказано выше), отдал приказ схватить его и конфисковать всё, что у него было. Однако в ту ночь приказ не был исполнен, ибо некоторые христиане после долгих препирательств решительно заявили правителю, что если он схватит досточтимого отца, они покинут эту землю. И поскольку их было уже много, правитель убоился великого ущерба, который мог понести в сборе податей с земель, бывших у него в аренде, и потому отдал второй приказ — не хватать его.

Однако около полуночи, подстрекаемый некими врагами досточтимого отца и христиан, он послал капитана конницы с пешими воинами, дабы тот отрубил голову досточтимому отцу (но так, чтобы не было известно, чья рука нанесла удар) и принёс её ему. Ибо, не смея говорить с ним, он желал его видеть, но не слышать.

Капитан со своими воинами сел на коня. И когда они были уже совсем близко от места, где находился досточтимый отец, внезапно хлынул проливной дождь с таким ужасающим громом и молниями, что, казалось, настал конец света. От этого они потеряли дорогу и на время оставили свой замысел.

Но поскольку правитель находился не далее чем в полулиге от места, где был досточтимый отец, а воины его стражи были почти все христиане, они на рассвете пришли и поведали ему обо всём, что происходит. Услышав их вести, досточтимый отец, рассудив, что в нынешних обстоятельствах бегство стало бы поруганием Закона Божия, и видя, что христиане, бывшие при нём, того же

мнения, решил остаться на том же месте. Но не замедлил Господь наш Бог явить Свою помощь, сделав так, что правитель отказался от своих губительных замыслов.

Через несколько дней досточтимый отец переправился вплавь через семь рек, держась за брёвна, и отправился окормлять христианские общины, бывшие на его попечении в царстве Джинджи. Там, утешаясь в Господе с о. Жерониму Теллешем, который пришёл его навестить, он пробыл с конца сентября до четырнадцатого декабря. В этот день он вновь отправился в Танджавур, чтобы отпраздновать Рождество, что и совершил, претерпев неопишуемые труды, но и с великим утешением, видя, как многие обращаются и принимают крещение. Немалым было и благочестие христиан, кои во множестве стекались, чтобы приступить к святым таинствам исповеди и причащения. С кануна праздника св. Фомы до дня Святого Имени Иисуса¹ более тысячи восьмисот человек исповедались и причастились из рук досточтимого отца Иоанна де Бритту. Крещёных же за тот год было тысяча и три человека.

Во время его пребывания там произошло следующее. Одна брахманка, весьма знатная и богатая, более двадцати лет страдала от козней бесов. Они довели её до самого жалкого состояния: по многу дней не давали ей ни есть, ни пить, несколько раз едва не задушили. Порой они вертели её головой с такой неистовой силой, что и семеро или восьмеро человек не могли её удержать. Иногда же бесы уносили её в лес и там терзали так, что вызволить несчастную из тех мест, куда они её ввергали, было почти невозможно. Услышав о чудесах, что творит Бог, и о милостях, что Он являет следующим Его святому Закону, эта истерзанная женщина пришла в церковь досточтимого отца и слушала катехизис в течение десяти месяцев. По прошествии их, будучи уже хорошо испытана в вере, она приняла из рук того же досточтимого отца святое крещение и освободилась от мучений бесовских, но не от гонений со стороны родственников, которые, видя, что она стала христианкой, оскорбляли и истязали её. Но она, по благодати Божией, сносила всё с изрядным терпением и мужеством, живя с великим упованием, часто приходя в церковь и с благоговением приступая к таинствам.

Более двадцати человек в течение того года были принесены туда, где пребывал досточтимый отец, одержимые: одни — исчахнувшие от колдовства, другие — хромые и увечные до такой степени, что не могли ступить на землю. Родственники доставляли их на носилках. И все они, как только с верою выслушали катехизис, обрели совершенное здоровье; и, приняв святое крещение, отправились в свои земли, полные радости и благоговения, а многие оставили там свои носилки в свидетельство о милости, которую явил им Бог.

¹ Праздник святого Апостола Фомы (S. Thomé): Отмечался 21 декабря. Соответственно, «канун праздника» (véspera) — это 20 декабря. Праздник Сладчайшего Имени Иисуса (santo nome de Jesu): в указанный период (конец 1683 — начало 1684 года) иезуиты праздновали Торжество Сладчайшего Имени Иисуса в воскресенье между Обрезанием Господним (1 января) и Богоявлением (6 января). Если же на этот промежуток не выпадало воскресенье, праздник переносился на 2 января. В 1684 году 1 января было вторником, а 6 января — воскресеньем. Поскольку между этими датами не было другого воскресенья, иезуиты отмечали этот праздник 2 января 1684 года. Таким образом, упомянутый период

охватывает примерно две недели: с 20 декабря до начала января.

ГЛАВА XXIII. Повествуется о несравненном мужестве, с каким один христианин претерпел тяжкие оскорбления и муки за Закон Божий.

Когда досточтимый отец Иоанн де Бритту пребывал в Танджавуре, диавол через своих служителей воздвиг одно из самых ужасающих гонений, какие только видели в тех царствах. Началось оно в провинции Караямбатту, где вера всегда была гонима, но, вопреки гонениям, непрестанно крепла. Досточтимый отец Иоанн де Бритту был первым и единственным миссионером, кто с Божественной благодатью насадил и взрастил её там.

В этой провинции в конце 1684 года схватили одного христианина восемнадцати лет, по имени Гаудиоз. Его подвергли жесточайшим пыткам, дабы он отрёкся от веры. Но он, с благодатью Божией, остался несокрушимо твёрд в своих убеждениях, и не смогли поколебать его мучения тридцати двух дней темницы, где он был закован в железо, ежедневно предстал перед судом и был бичеван так, что всё тело его обратилось в одну сплошную рану. Все языческие наставники и вельможи, которые приходились ему роднёй, убеждали его оставить Закон Божий. Видя же, что суровостью его не склонить, они попытались убедить его слезами. Вся знать провинции говорила ему так:

«Великий позор для всех нас видеть, как нашего родича публично бичуют за столь низкое дело, ибо он последовал закону христиан, людей низких и презренных, вместо того, чтобы поклоняться богам, которых чтут множества царей, князей и вельмож и сонмы учёных, знати и простого народа во всех этих царствах. Они, зная истинность своей веры, на протяжении многих веков с готовностью тратили несметные сокровища, воздвигая им столь великолепные храмы. Думать, что ты своим скудным умом постигнешь истину, которую не смогли постичь столько мудрецов, — безумная гордыня. Если уж твоё безумие и упрямство не вызывают в тебе жалости к самому себе, то устыдись хотя бы позора, который ложится на всю нашу семью. Ты ведь видишь, как он велик».

На эти и другие подобные речи, что вели те языческие родичи, доблестный атлет Христов отвечал, что страдать за Христа — для него слава и что он уверен в истинности лишь Закона христианского. А последуют ли ему многие или немногие, не имеет никакого значения для его истинности. И что он твёрдо намерен скорее отдать жизнь, чем оставить или утаить Закон Иисуса Христа.

Ответ этот столь сильно разъярил язычников, весьма приверженных своим прихотям и весьма усердных в своём идолопоклонстве, что на следующий день они публичным приговором осудили его на смерть. В ту же ночь произошли два случая, весьма назидательных. Первым было то, что одна девочка-оглашенная одиннадцати лет, его близкая родственница, узнав о случившемся, вошла в темницу и, упав на колени у его ног, со многими слезами сказала ему: «Брат мой, я завидую блаженной доле твоей — пострадать за столь благого Бога. Умоляю тебя, когда предстанешь пред Божественным Величием, испроси и для меня подобной же чести и милости во святом крещении». Поражённые такой стойкостью, один из стражников со всей семьёй решил последовать Закону Христову.

Вторым случаем было то, что тот добрый христианин, оставив в темнице поручителя, в ту же ночь пошёл проститься с матерью, женой и прочими родными, которых всех в предыдущем году крестил вместе со многими другими досточтимый отец Иоанн де Бритту. И он сказал им так: «Завтра, если Богу будет угодно, я пострадаю за Закон Христов. Не могу выразить той радости и веселья, с какими я принимаю эту милость Небес. О трёх вещах прошу вас в это последнее прощание. Первое: молитесь усердно Богу, дабы Он даровал мне стойкость до конца. Второе: не почитайте эту мою смерть за бесчестие, но за величайшую честь, какой Бог обычно удостоивает лишь Своих избранных, и которой я не достоин. Третье: да не понудят вас ни потеря чести, ни потеря имущества, ни самой жизни, оставить Закон Божий».

На это мать, жена и прочие родные отвечали, что они высоко чтят его решимость, и что с помощью Божественной благодати они твердо намерены скорее расстаться с жизнью, чем с верой, и что будут молить Бога о стойкости для него. После таковых взаимных утешений Гаудиоз отправился в темницу. Хотя досточтимый отец Иоанн де Бритту и не мог прийти ему на помощь (ибо он сам, схваченный ханами¹, был в великой беде, находясь на юге, на расстоянии более девяноста лиг оттуда), христиане и катехизаторы того царства, зная, что заточение и осуждение Гаудиоза были совершены не по приказу раджи, а из-за ненависти его родных, добились приказа от правителя и военачальника, чтобы Гаудиоз был отпущен на свободу, а христианам было возвращено всё, что у них конфисковали.

¹ Хан (порт. *Chanaãs*) — тюркский титул, который португальские авторы могли использовать для обозначения местных индийских правителей или военачальников.

ГЛАВА XXIV. Досточтимый отец взят в плен в царстве Мадурай и избавлен от грозившей ему смертной опасности.

Пока это происходило в царстве Танджавур, на юге, в царстве Мадурай, в великой беде и в заточении находился досточтимый отец Иоанн де Бритту. Он вступил в одну из провинций, куда ещё не доходили миссионеры, и, не имея ни дома, ни церкви, где мог бы разместиться, несколько дней провёл в пальмовой роще, проповедуя веру в Иисуса Христа великому множеству людей, что стекались со всей округи послушать новое учение. Выслушав и приняв его, они, познав свои заблуждения, обратились к истине.

Не мог диавол стерпеть, что столько душ, вырвавшись из сетей, в коих доселе держал их адский обман, устремились в сеть святого Петра, которую с таким успехом раскинул там досточтимый отец Иоанн де Бритту. Посему одной ночью, когда досточтимый отец готовился крестить двести оглашенных, язычники того селения, собравшись толпой и вооружившись, пришли, чтобы схватить его.

Однако он, получив известие, что его ищут, вышел им навстречу и спросил, кого они ищут. За это время оглашенные успели скрыться, и потому схвачены были лишь досточтимый отец и катехизаторы, что его сопровождали. На них-то и излили всю ненависть, что питали ко всем христианам.

Их жестоко бичевали, отняв всё, что у них было. И хотя палачи много раз уже заносили меч, чтобы отрубить им головы, досточтимый отец и катехизаторы преклоняли выи с такой святой готовностью и доблестным мужеством, что сами язычники в изумлении застывали, не зная, чему более дивиться: отваге ли, с какой они встречали смерть, или стойкости, с какой жертвовали жизнью. Однако ярость гонителей так и не обрушилась на эти жертвы, уже готовые мученичеству. Ибо им недоставало власти, чтобы совершить это публично, так как заточение было учинено не по приказу наяка или правителей, но лишь по ярости каст, которые почитали за великий позор обращение своих родичей в Закон Божий. И потому, продержав некоторое время, досточтимого отца и катехизаторов отпустили.

Уже на свободе святой узнал о том, что претерпел Гаудиоз в Танджавуре, и о том, что случилось в том же царстве с другими христианами. Пересекши все те земли, он отправился в царство Танджавур, в дом Гаудиоза, и оттуда послал сказать зачинщикам того гонения: «Если у вас были какие-то сомнения против Закона Божия, несправедливо было выяснять их с тем христианином, который не слишком сведущ в исповедуемом им Законе. Вот я, наставник того же Закона, и я готов доводами разума рассеять все сомнения, какие бы вы ни предложили. Если же вы, не желая признать себя убеждёнными, сочтёте, что меня нетрудно лишить жизни, то знайте — я сам предаю себя в ваши руки».

Язычники не захотели принять вызов на диспут, а лишь сокрушались, видя, как многие оставляют язычество и прибегают к досточтимому отцу, дабы он преподавал им катехизис и через святое крещение принял их в лоно Церкви.

ГЛАВА XXV. Поднимается великое гонение на христиан в царстве Танджавур. Досточтимый отец с изрядным милосердием помогает страждущим.

Слушатели учения досточтимого отца Иоанна де Бритту не только обращались в веру, но и являли очевидные знаки своего твёрдого решения: они бросали идолов, что носили на шее, к ногам своего наставника, попирая их и сокрушая; одних ввергали в реку, других — в огонь. Не в силах стерпеть такого поругания, диавол воздвиг самое ужасное гонение, какого ещё не испытывали христиане в том несчастном царстве. Был издан указ первого министра: схватить всех христиан и доставить в город Кумбаконам, где он пребывал. Для исполнения сего по всему царству были разосланы судьи и воины.

Аресты начались в день Богоявления в северных провинциях. Досточтимый отец Иоанн де Бритту находился в то время в южных провинциях, и весть эта достигла его девятого января. Он тотчас пустился в путь в Кумбаконам. Но христиане, которым до той поры удавалось избежать ареста, вышли ему навстречу и, остановив его на подходе к городу, убедили вескими доводами немедленно перейти реку Колларон, служащую границей между царствами Джинджи и Танджавур. Оттуда, говорили они, он мог бы помогать им советом и руководством в столь важном деле. Ибо, будучи схвачен, он лишь стяжал бы себе венец, но подверг бы риску всю христианскую общину, которой иначе мог бы помочь и направить её. Если из стада волк унесёт одну или двух овец, остальные могут надеяться, что пастырь уведёт их в безопасное место; но если волк съест пастыря, то и остальные овцы погибнут безвозвратно и без надежды.

Тронутый их скорбными мольбами и убедившись в правоте их доводов, досточтимый отец уступил просьбам христиан. Они же, усадив его на вязанку дров, переправили своего пастыря через реку, разлившуюся в ту пору весьма широко. С того места он стал изыскивать способы помочь христианской общине и унять гонение, которое с каждым днём лишь усиливалось.

Все темницы царства уже были переполнены невинными христианами, которых, предварительно отняв у них всё имущество, подвергали жесточайшим пыткам, дабы они отреклись от веры. Досточтимый отец искал способа предстать пред раджей и поведать ему истину, но тщетно: все пути ко двору были для него закрыты. Тогда, после долгих и упорных стараний, придворные христиане, которых гонение ещё не коснулось, решились сообща обратиться к главнокомандующему войском, мавру по происхождению и вере. Они молили его заступиться за своих единоверцев перед раджей и испросить для них лишь одного — быть выслушанными. И если раджа найдёт их виновными, пусть тотчас отрубит им головы, а если найдёт невинными — пусть умерит жестокость своих слуг. Генерал-мавр отвечал, что не может противостоять всем брахманам, ибо все они были против Закона Божия и его последователей. Однако, если представится случай, и раджа спросит его мнения по этому делу, он не преминет сказать ему, чтобы тот их выслушал.

Узнав об этом, один весьма могущественный язычник, по имени Раманаяк, зачинщик всей этой трагедии, послал к мавру с просьбой не покровительствовать христианам, ибо те в равной мере оскорбляют и закон Магомета, и закон язычников, и являются заклятыми врагами и тех, и других. Он убеждал его раз и навсегда искоренить в том царстве самое имя Христово, ибо если не пресечь зло в корне, то через несколько лет всё царство падёт, и боги их останутся без почитателей. А после этого придут европейцы и захватят царство, ибо таков способ, коим они утвердились на всём Востоке. И чтобы сделать свои доводы более приятными и действенными, он послал ему великолепный дар: арабского скакуна со всей сбруей из серебра.

Выслушав это посольство и отпустив посланников, мавр остался в весьма дурном расположении духа против христиан.

Христиане донесли эти вести досточтимому отцу, которому они ежедневно посылали по два-три гонца. Когда дела приняли столь дурной оборот, христиане при дворе, многие из которых служили поставщиками провианта для конницы и слонов раджи, решили удалиться и оставить животных без пропитания. Они сделали это по совету другого знатного мавра, который сказал им, что лишь таким способом они могут быть услышаны. Когда до раджи дошли вести о происходящем и о том, что конница и слоны гибнут, он тотчас велел выяснить причину. К тому времени уже был издан указ, чтобы ни один христианин не оставался в царстве и чтобы Закон Христов в нём более не проповедовался.

Когда раджа и его министры поняли, что недостаток провианта для конницы и слонов происходит оттого, что раджа не желает выслушать христиан и принять их справедливые доводы, первый министр раджи призвал знатнейших христиан и представил им обвинения, которые Раманаяк и его последователи возвели на них. Обвинения эти сводились к четырём пунктам. Первый — христиане не

поклоняются их богам и не почитают их храмы. Второй — у них нет ничего своего, но даже женщины у них общие. Третий — девы должны быть лишены невинности, прежде чем их примут в общину. Четвёртый — отличительный знак Закона христиан в том, что все они пьют молоко из одного глиняного сосуда, предварительно плюнув в него, и при этом говорят христианам, чтобы те восстали против своего раджи на стороне европейцев.

На это они отвечали, что истинная правда в том, что они поклоняются лишь единому истинному Богу, Творцу неба и земли, и иному поклоняться не будут. Также верно и то, что они не поклоняются их богам и не почитают их храмы. Прочие же обвинения, возведённые на них, все до единого лживы. И если будет доказана истинность хотя бы одного из них, они готовы отдать тысячу голов на плаху, всё своё имущество — на конфискацию, и тысячу патаков¹ радже. В том они дали обязательство и представили поручителей.

По прошествии пятнадцати дней заточения [христиан] раджа написал правителю Кумбаконама, тому самому, что проводил аресты, и переслал ему обязательство, подписанное христианами в Танджавуре, а вместе с ним — и самих подписавших. Неопишуема была ярость, с которой тот брахман и прочие министры встретили их, видя, что горстка христиан осмеливается противиться их воле. Многие из них требовали, чтобы христиан протащили по городу, привязав к хвосту осла, и предали позорной смерти, а затем можно было бы оправдать эту казнь перед раджей, выдумав какое-нибудь преступление. Однако брахман-председатель бросил письмо раджи посреди собрания и сказал: «Если кто-то осмелится доказать хотя бы одно из содержащихся здесь преступлений, я тотчас казню не только этих, но и всех прочих христиан. Если же вы не осмеливаетесь доказать их, то и я не могу повелевать более, чем раджа, который приказал приступить к каре лишь после того, как преступления будут доказаны».

Поскольку преступления не могли быть доказаны, судья объявил христиан невиновными, постановив публичным приговором, что они могут жить по своему Закону, как жили доселе. Тем самым прежний указ был отменён.

Весь этот исход, столь отличный от того, чего ожидали и чего опасались, как утверждает о. Луиш де Меллу в своём ежегодном отчёте, в котором он повествует о событиях 1685 года, следует приписать, после Бога, рвению, заботе, трудам и руководству досточтимого отца Иоанна де Бритту, который в то время был настоятелем миссии. Тот же о. Луиш де Меллу заключает: вопреки всеобщим ожиданиям, гонение это, угрожавшее искоренить веру не только в царстве Танджавур, но и в соседних, по воле Господа нашего Бога обернулось к вящей славе Его святого Закона.

¹ Патак (*порт. pataca*) — название различных монет, имевших хождение в Португалии и её колониях.

ГЛАВА XXVI. Досточтимый отец Иоанн де Бритту вступает в царство Марава, встречается с главнокомандующим войском, который и берёт его в плен.

Досточтимый отец Иоанн де Бритту был весьма изнурён трудами и тяготами, которые претерпел в этом случае. Оставив дела в царстве Танджавур, он перешёл

в царство Марава, где вот уже восемнадцать лет не было ни одного миссионера из-за великих смут в той христианской общине, последовавших за гонением, которое раджа, правивший тогда тем царством, воздвиг в 1669 году, как о том повествуют ежегодные отчёты того времени.

Поскольку путешествие в царство Марава было делом многотрудным, досточтимый отец, дабы избрать наиболее верный путь, обратился за советом к одному престарелому миссионеру. Старец, как человек более опытный, счёл этот замысел неисполнимым и увещевал досточтимого отца не изнурять себя в предприятии, обречённом на неудачу, подкрепляя свои слова многими доводами. Но поскольку досточтимый отец в своих решениях всегда стремился к подвигам, превосходившим меру человеческую, то, видя, что старец не предлагает ему искомых путей, а лишь советует отступить, он сказал, что не отступится и непременно отправится в царство Марава, ибо решимость, с которой он взялся за это дело, уже не оставляет места для советов. Он просил лишь одного: чтобы его преподобие указал ему наиболее удобные средства, какие только представятся. Но добавил, что даже если его преподобие и не укажет ему искомых путей, он всё равно пойдёт, уповая, что Тот, Кто дарует силы для подвига, Сам же и подскажет средства для его свершения.

Укрепившись духом и утешенный великими милостями, явленными ему Божественным Провидением, досточтимый отец Иоанн де Бритту в конце мая 1686 года прибыл в царство Марава и потрудился там столь успешно, что за два с половиной месяца крестил более двух тысяч душ. Он также исповедал христиан той земли, которые восемнадцать лет ожидали пастыря, чтобы принять от него хлеб учения и святых таинств. Его труды были столь велики, что и язычники, и христиане могли лишь с изумлением взирать, как он днём и ночью без усталости то крестил, то исповедовал страждущих. Утешенные и укрепленные в духе, верующие обрели мир и великое облегчение совести.

Двадцать второго июля он решил отправиться в северные провинции, куда послал четырёх катехизаторов, имевших там великое число последователей. В пути, когда он проходил через большую деревню под названием Мангалам, он встретил правителя Маравы с большим войском, который вёл его из города в Пасо. Ему надлежало дать там клятву перед пагодой, что в восьми лигах оттуда, дабы выяснить, не он ли украл у раджи драгоценнейшее жемчужное ожерелье и другие великой ценности сокровища.

Дабы читатель не остался в неведении, я вкратце расскажу о способе сей суеверной клятвы. Во вторник, в полдень, перед идолом ставят горшок с раскалённым железом. Жрецы пагоды, обливая его, каждый от имени того, кого представляет, должны совершить клятву. И тот, кому железо обожжёт язык, признаётся виновным. Вера в эту клятву и в её силу среди тех народов такова, что не подвергается сомнению. Искусный в этих делах судья, дабы вынести приговор, приказывает лизнуть раскалённое железо и запирает клянувшихся в доме при той же пагоде. В три часа пополудни он снова велит трём великим служителям и остальным пандитам исследовать язык с помощью пальмового листа. Если он не обожжён, клявшийся признаётся невиновным; если же обожжён — виновным. В тот раз из более чем тысячи человек, обвинённых в этом нашумевшем деле, лишь двое были признаны виновными.

ГЛАВА XXVII. Повествуется о заточении досточтимого отца Иоанна де Бритту, о мужестве, с каким он и его катехизаторы претерпели пытки, и о том, как, наконец, ему был вынесен смертный приговор.

Генерал, предводитель всего того войска, узнав, что мимо проходит досточтимый отец с пятью катехизаторами, велел схватить их. Когда же всех привели к нему, он отнял у них всё, что было, и приказал жесточайше бичевать их конскими плетьюми, понуждая призвать имя знаменитого идола Шивы и говоря им: «Скажите: Шива! Шива!»

Но поскольку ни досточтимый отец, ни христиане не захотели произнести это имя, язычники, упорствовав в своём требовании до глубокой ночи, заковали его в кандалы и привязали к столбу посреди площади. К тому же столбу бросили и пятерых христиан, приставив к ним стражу. Всю ту ночь воины Христовы бодрствовали, неся стражу пред Небесами.

Наутро все жители селения, а также те, кого вели для принесения клятвы, собрались поглядеть на это зрелище. Нелегко поверить, да и нелегко будет описать, какие оскорбления, поругания, издевательства и муки претерпели там и досточтимый отец, и катехизаторы. Ибо одни давали им пощёчины, другие плевали в лицо, третьи били палками, и все глумились и насмехались над ними.

Так они и простояли до полудня на том месте, где палило их солнце и теснила толпа. После полудня их подвергли пытке водой, которая совершается так: мученику связывают одну руку за спиной толстой верёвкой и бросают в большой пруд; там на него садится человек, а затем его вытаскивают на берег, чтобы он признался в том, в чём его обвиняют.

Когда досточтимого отца и его спутников подвергли этой пытке, их повели в крепость под названием Каликойл¹, что в трёх лигах оттуда. В пути язычники жестоко терзали наших узников, но по прибытии в крепость ярость их стала ещё свирепее. Вся ненависть генерала обрушилась на одного из катехизаторов, старца преклонных лет, который был воспитан при дворе и хорошо его знал. По приказу мучителя, воины более получаса бичевали его, а затем нагого протащили вниз по холму, усеянному колючками и острыми камнями. В довершение же пытки ему вырвали из бороды все волосы, один за другим.

Полагая, что доблестный воин Христов мёртв, его велели прижечь в двух или трёх местах горящей головнёй, чего он в тот миг и не почувствовал. Досточтимого же отца подвергли иной пытке: ноги его заковали в колодки, между которыми был вбит кол, а руки связали за спиной и притянули к другому колу, так что тело его выгнулось дугой. Затем, дабы надёжнее заточить досточтимого отца и катехизаторов, язычники, сняв его с этого орудия, заковали всех шестерых в железо и бросили в крошечную каморку, где и троим было бы тесно. Там они провели всю ночь; и уже шли вторые сутки, как они ничего не ели.

Из этой темницы их перевели в другую, хоть и более просторную, но куда более ужасную из-за темноты и смрада. В ней они пробыли двенадцать дней в такой тесноте, которую мог бы описать лишь тот, кто её испытал, и в таких муках, которые мог бы постичь лишь тот, кто их претерпел. После трёх полных дней без

еды им стали давать раз в сутки немного риса, сваренного на воде.

Спустя двенадцать дней генерал приказал правителю крепости доставить к нему узников. Правитель, стремясь не только в точности исполнить приказ, но и угодить генералу, отправил пленников под усиленным конвоем: им связали запястья и приставили к ним многочисленный отряд солдат. Так их повели в лагерь, где располагался генерал с войском и прочими сановниками. Путь в пять лиг оказался изнурительным, ибо он пролегал через скалистые кручи и густые заросли в самый разгар летнего зноя.

Когда они наконец прибыли на место, там было устроено судилище из большого числа сановников. Главный из них спросил достопочтенного отца и катехизаторов, одного за другим, готовы ли они сказать «Шива, Шива». И поскольку все они ответили «нет», им дали множество пощечин. Когда же достопочтенному отцу Иоанну де Бритту дали первую пощечину, он подставил и другую щеку, чтобы ему нанесли второй удар. Увидев это, один язычник из судилища сказал: «Тот первый, кто научил Закону, которому следует этот человек, дал предписание поступать именно так, как он сейчас поступил».

Незамедлительно им был зачитан приговор короля: «За то, что сей гуру, наставник Закона Владыки всего сущего, пришел распространять в наших землях новое учение, противное вере отцов, и за то, что он отказывается произносить имя великого бога Шивы и запрещает делать это своим ученикам, — да будут отсечены ему стопы и кисти, а сам он да будет посажен на кол. Та же участь постигнет и его старших катехизаторов; троим же младшим да отсекут по одной стопе и кисти, отрежут носы, языки и уши, но оставят в живых».

Едва приговор был оглашен, их подвергли бичеванию. Достопочтенного отца и старших катехизаторов истязали на скале из пемзы. Их растянули на камнях, оставив лишь набедренные повязки. Мучители переворачивали их то ниц, то навзничь, и семеро или восьмеро человек садились на них сверху, отчего острые края скалы впивались в их тела. Но более острых камней их терзал невыносимый солнечный жар, исходивший от раскаленной скалы.

Вслед за тем явился плотник с теслом, дабы отрубить достопочтенному отцу и катехизаторам стопы и кисти. Казнь, однако, не свершилась, ибо генерал получил от короля письмо, в котором сообщалось, что его шурин, призвав на помощь короля Танжора, вознамерился пойти на него войной. Посему король повелевал генералу, отложив все прочие дела, включая казни, немедля выступить со всем войском ему навстречу.

Тогда достопочтенного отца и его сподвижников вновь заковали в кандалы и ввергли в сырую темницу, где под строжайшей стражей они томились восемнадцать дней. По истечении сего срока явился писец, дабы огласить достопочтенному отцу новый приговор, вынесенный королем на основании донесения того самого генерала, по чьему приказу его арестовали и подвергли пыткам. Приговор гласил: казни подлежал лишь один достопочтенный отец Иоанн де Бритту, которому надлежало отсечь стопы и кисти, а затем посадить на кол.

Выслушав приговор, он спросил, казнят ли его прямо здесь, или же это должно произойти в другом месте. Писец ответил ему, что это станет известно, когда придет второй приказ от короля.

Достопочтенный отец возблагодарил Бога за сию милость, велел и христианам также воздать Ему благодарение. И все они в знак признательности прочли Розарий Владычице Нашей, дабы она испросила у своего Сына благодать выстоять до конца.

¹ *Каликойл (порт. Calicoil) — вероятно, Калайяковил (Kalaiyar Kovil), важный исторический и религиозный центр в царстве Марава.*

ГЛАВА XXVIII. Исполнение приговора приостановлено; его везут ко двору; он получает аудиенцию у короля, который, отменив указ, приказывает освободить его и катехизаторов.

Четыре дня спустя прибыл королевский указ, согласно которому достопочтенного отца и катехизаторов надлежало доставить ко двору, находившемуся в тридцати лигах оттуда. Их заковали в кандалы по двое и под конвоем многочисленного отряда солдат отправили в столицу. Они прибыли туда после пятидневного пути; ноги их кровоточили и были так изранены, что вызывали сострадание даже у многих язычников.

В довершение всех унижений темницей им определили конюшню. В этом узилище, закованный в необычайно большие кандалы, достопочтенный отец Иоанн де Бритту провел более месяца.

Немало ученых мужей из числа язычников приходило к нему для диспута, и всякий раз, по милости Божией, они уходили не только убежденными, но и столь восхищенными, что шли докладывать королю: «Сей достопочтенный отец проповедует учение необычайное; и пусть оно противно нашей вере, но он подкрепляет его столь вескими доводами и сравнениями, что никто не в силах ему возразить».

Иные же, напротив, утверждали, будто он — величайший из невежд, и лишь ненависть к их богам заставляет его приводить доводы, по сути ложные, но обманчиво кажущиеся истиной.

Услышав эти вести, король послал многих сановников и даже собственного старшего сына, дабы склонить достопочтенного отца призвать имя Шивы или, по крайней мере, приказать христианам сделать это; ибо он считал для себя великим бесчестьем, если ему будет выказано публичное неуважение. Однако, многократно убедившись на опыте, что достопочтенный отец не станет призывать его идола, он решился призвать его к себе.

Когда достопочтенный отец предстал пред ним, король, не упоминая о Шиве, завел с ним долгую беседу и спросил об учении, которое тот проповедовал. Священник ответил, что учение, которое он преподает, есть путь ко спасению, и так он изъяснил ему одну за другой заповеди Декалога. Король выслушал его с великим вниманием и задал все вопросы, какие пришли ему на ум, на которые

достопочтенный отец дал столь исчерпывающие ответы, что король пред всем своим двором сказал: «Воистину нет и не может быть Закона более святого, чем этот; ибо он повелевает творить всякую добродетель и избегать всякого греха». И, обратившись к достопочтенному отцу, сказал, чтобы тот не забывал столь святого Закона и Бога, Которому поклонялся, и что он не желает, чтобы приговор, вынесенный против него и его катехизаторов, был приведен в исполнение.

На это генерал, арестовавший его, спросил: «Почему вы не призываете Шиву?» Он ответил: «Лишь тот, кто поклоняется Шиве, призывает его; я же поклоняюсь единому истинному Богу, Творцу неба и земли, и потому только этого Господа буду призывать».

Услышав этот ответ, король сказал: «Я не спрашиваю вас об этом и не приказываю вам ничего подобного; я лишь призвал вас, чтобы узнать об учении, которое вы проповедуете. Приходите сюда завтра, и мы побеседуем об этом более обстоятельно».

На следующий день катехизаторов отпустили, но достопочтенного отца не только не освободили, но и не допустили во дворец для повторной аудиенции. Придворные опасались, что как в первую встречу он околдовал короля, добившись прощения для дважды приговоренных к смерти, так во вторую он обратит монарха в свою веру. По этой причине священника продержали в конюшне еще пятнадцать дней. Наконец, в канун праздника, в который король обыкновенно даровал помилование, сановники от его имени освободили узника. Так улеглась буря, и мученичество достопочтенного отца Иоанна де Бритту и его катехизаторов было отсрочено; причём не они избежали его, но оно избегло их.

ГЛАВА XXIX. О некоторых достопамятных событиях, произошедших во время заточения.

Оказавшись на свободе, достопочтенный отец и его катехизаторы немедленно приложили все старания, чтобы вновь добиться аудиенции у короля. Священник надеялся склонить его к полному познанию истины нашей веры и признанию заблуждений язычества, дабы, уразумев и то, и другое, он решился оставить идолопоклонство и поклониться истинному Богу, став христианином; или, по крайней мере, испросить у него полное дозволение беспрепятственно проповедовать в его королевстве.

Однако придворные, опасаясь именно того, о чем хлопотал достопочтенный отец, употребили все ухищрения, чтобы помешать этой встрече. И чем настойчивее были его старания, тем изощреннее становились их уловки.

Но, невзирая на все препоны, он уже договорился о встрече с королем и даже заручился согласием тех, от кого зависел допуск на королевскую аудиенцию, как вдруг получил известие от своего провинциала с повелением немедленно явиться к нему для обсуждения неких важных дел.

Поскольку достопочтенный отец Иоанн де Бритту столь свято чтит добродетель послушания, ему пришлось отложить свои замыслы до другого раза и со всей поспешностью отправиться к своему настоятелю. Мы же, однако, не преминем

рассказать о чудесах, явленных Богом во время его заточения.

Особенно поразительны были три из них.

Первое чудо: когда достопочтенного отца вели в кандалах, подвергая его поруганию, многие (даже некоторые из брахманов), видя, с каким благостным лицом он сносил все унижения под глум язычников, подходили к нему и говорили о своем желании обратиться. Ибо, утверждали они, Закон, который учит с таким мужеством переносить оскорбления, ставя их выше мирских почестей, не может не быть истинным.

Второе чудо состояло в следующем. После перенесенных пыток достопочтенный отец и его катехизаторы были изранены столь сильно, что, по человеческому разумению, должны были вот-вот испустить дух. И хотя для такого мнения имелись самые веские основания, Господу было угодно, чтобы они в несколько дней исцелились без всякого врачевания, кроме самих страданий, и без всякого ухода, кроме тягот тюремного заключения. Кровоточащие раны от бичевания усугублялись страданиями от долгого пути: стопы их были так изранены о камни, что кровь струилась с них ручьями. Единственным облегчением в этих муках стали тяготы унижительной и суровой темницы, а единственным утешением — постоянная нужда во всем, что могло бы поддержать жизнь и утолить боль.

Третье чудо было вот каково. Во время истязаний на камнях, о которых мы упоминали выше, одному из спутников достопочтенного отца выбили глаз. Достопочтенный отец поспешил утешить его, говоря, чтобы тот не скорбел, и повторяя слова Христа о том, что лучше с одним глазом войти в Царство Небесное, чем с двумя быть ввергнутым в геенну. Затем достопочтенный отец осенил его крестным знаменем, и к величайшему изумлению идолопоклонников Господь наш соизволил тотчас же исцелить страдальца. Добрый же христианин с благочестивым сокрушением сетовал, что слишком малой чести удостоился от Бога, ибо в то время как многие обрели блаженство, отдав жизнь за веру, ему не довелось пожертвовать ради нее даже глазом. Воистину, столь велика была вера этого христианина, что он даже не ощутил потери глаза, но милостивое Провидение Божие даровало ему через прикосновение достопочтенного отца Иоанна де Бритту чудесное исцеление в награду за его твердую веру.

ГЛАВА XXX. Повинуясь долгу, он покидает королевство Марава; прибывает в провинцию Малабар; его посылают в Рим и, наконец, он отплывает в Португалию.

Повинуясь святому долгу послушания, достопочтенный отец Иоанн де Бритту покинул королевство Марава и отправился в провинцию Малабар, дабы узнать, что повелит ему отец-провинциал.

Когда он предстал пред ним, отец-провинциал принял его как человека, стоявшего на пороге Царствия Небесного. После обмена благочестивыми приветствиями он объявил ему о своем решении: его преподобию надлежит отправиться в Португалию, а оттуда в Рим, чтобы доложить отцу-генералу о

состоянии миссии и обсудить с ним многие вопросы, касающиеся сего дела.

Слова эти преисполнили достопочтенного отца Иоанна де Бритту такой скорбью, что, изложив провинциалу все доводы, которые могли бы избавить его от этого поручения, и видя, что тот непреклонен, он пал пред ним на колени и со слезами молил не отсылать его в Европу. Ибо, отправляясь в Азию, он твердо решил не покидать миссию в Мадуре, доколе не примет там мученическую смерть или не окончит своих дней в суровых трудах во славу веры в Иисуса Христа и из любви к Нему.

Выслушав эти столь же трогательные, сколь и святыя мольбы, провинциал спросил его: «Пришел ли ваше преподобие в Орден, чтобы творить свою волю, или чтобы служить там, где сам Орден пожелает воспользоваться его служением?»

На это он ответил, что при таких обстоятельствах ему не остается ничего иного, как испросить у его преподобия приказаний и благословения на дорогу.

Получив от своего провинциала приказания относительно того, что ему надлежало делать в Португалии и в Риме, и испросив у него благословение, он отправился в Гоа, чтобы оттуда отплыть в Европу. Прибыв в Гоа, он застал там вице-короля Франсишку ди Тавора, графа ди Алвор, который готовился к отплытию и принял его с исключительным радушием и необычайными почестями, выказав, сколь высоко он ценит возможность сопровождать его в Португалию.

В декабре 1687 года они взошли на корабль и подняли паруса. Миновав Мыс, флотилия была вынуждена взять курс на Бразилию¹ и бросить якорь в Бухте Всех Святых. Там он сошел на берег и пребывал в своей Коллегии, доколе флот, шедший в сопровождении кораблей из Индии, не отправился в Лиссабон. Взойдя на борт одного из них, он продолжил свой путь, исполняя веление долга послушания.

¹ В эпоху парусного мореплавания капитаны полностью зависели от ветров и морских течений. Прямой путь из Индии в Португалию вокруг Африки был невозможен из-за встречных ветров. Поэтому португальцы использовали сложный, но надежный маршрут, известный как «Carreira da Índia» (Путь в Индию). Обогнув мыс Доброй Надежды, корабли уходили далеко на запад, в открытый Атлантический океан, чтобы поймать попутные юго-восточные пассаты. Эти ветры несли их к берегам Бразилии, откуда уже было удобно, используя другие течения и ветры, добраться до Азорских островов, а затем и до Португалии.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ, в коей повествуется о деяниях, что совершил достопочтенный отец Иоанн де Бритту после прибытия в Португалию, а также после того, как он во второй раз отплыл из Португалии в Индию и доколе не увенчал жизнь свою славным мученичеством.

ГЛАВА I. Прибытие в Лиссабон, где король принимает его с величайшей радостью; затем о том, как он объезжает коллегии Общества, дабы пригласить работников для своей миссии.

8 сентября 1688 года достопочтенный отец Иоанн де Бритту прибыл ко двору в Лиссабоне. Сойдя на берег, он принял благословение своего прелата и доложил ему о деле, которое привело его сюда по долгу послушания. Затем он отправился во дворец, дабы припасть к руке короля, который принял его с таким изъявлением радости, словно в сверхъестественном прозрении видел все, что тот претерпел и совершил доселе и что ему еще предстояло совершить и претерпеть.

И поскольку исход дел, приведших его из миссии в Португалию, всецело зависел от покровительства Его величества, он поведал ему обо всех своих замыслах, испросив для их осуществления его королевского покровительства.

Выслушав просьбу священника, Его величество отложил свое решение до более подходящего времени. Достопочтенный отец же, не теряя ни часа, немедленно приступил к делам, ради которых прибыл. И поскольку ему казалось, что первойшей его задачей должен стать поиск делателей для отправки в миссию в грядущем марте, он решил проехаться по коллегиям Сантарена, Коимбры, Порту и Браги. Он намеревался поведать тамошним братьям о нехватке тружеников на сей великой жатве, дабы, воодушевив их примером своим и словами, собрать первинки урожая духовного.

Он выехал из Лиссабона в Сантарен и пробыл в тамошней коллегии столько дней, сколько было необходимо, после чего продолжил свой путь в Коимбру.

В это время его мать пребывала в городе Порталегри, в двадцати шести лигах от Лиссабона. И хотя минуло уже четырнадцать лет с тех пор, как он покинул ее, столь долгая разлука не помешала ему, прибыв в Португалию, показать, что долг служения для него превыше уз крови. Ибо, получив в Лиссабоне письмо от матери, в котором она писала о своей безмерной радости по случаю его благополучного возвращения и о том, сколь счастлива была бы увидеть его, и поскольку годы не позволяли ей самой пуститься в путь, она слезно молила его приехать и утолить ее столь долгую тоску. Он же ответил на письмо с благоговейной скромностью, продиктованной его добродетелью и здравым смыслом, заключив, что отправляется в Коимбру по делам, приведшим его в Португалию, а на обратном пути заедет принять ее благословение.

Когда он, как мы уже говорили, ехал из Лиссабона в Сантарен, а из Сантарена в Коимбру и подъезжал к городу Голеган, один почтенный священник, его спутник в этом путешествии, сказал ему, что в полулиге оттуда, в местечке Пиньейру-Гранди, живет его сестра, донна Луиза Мария де Бритту (что ему было прекрасно известно), и что ему следует навестить ее по пути, ибо это не замедлит его путешествия и не повредит его делам. Он ответил, что приехал в Португалию не для того, чтобы видаться с родственниками, а чтобы служить Ордену, и что навестит ее на обратном пути. Однако его спутник, будучи человеком почтенным, счел такое решение чрезмерно строгим и сказал, что не одобряет его: его преподобию следует навестить сестру; в противном же случае он откажется от его общества и навсегда затаит на него обиду. Убежденный этими доводами, отец

Иоанн сделал небольшой крюк в пол-лиги и навестил свою сестру. Пробыв с ней совсем недолго, он тотчас же отправился в Коимбру.

Из Пиньейру он отправился в Коимбру, а оттуда — в коллегии Порту и Браги, где был принят с подобающими ему почестями. Он изложил предложения, рассказал о своих трудах, поделился замыслами; его слова тронули многих и всех восхитили. И поскольку именно в Коимбрской коллегии, самой многочисленной из всех, **достопочтенный** отец надеялся собрать обильнейшую жатву, он искусно составил проповедь и в праздник Рождества, стоя пред яслями новорожденного Спасителя, объявил, что ищет себе спутников в Индию, готовых последовать примеру Иисуса Христа — первого Миссионера, сошедшего с Небес на землю по воле Отца Своего Предвечного.

Пока он пребывал в этих коллегиях, его мать получила известие, что он сможет приехать к ней в Порталегри лишь через несколько месяцев. Узнав об этом, она решила отправиться в Пиньейру, в шестнадцать лигах от того города, в дом своей дочери, дабы, когда ее сын будет возвращаться из Коимбры в Лиссабон, послать ему весть, что она там, дабы он приехал бы ее навестить, ибо до того поместья было не более полулиги пути. Так и случилось; выехав из Коимбры и узнав, что мать ждет его в том имении, он приехал принять ее благословение. Проведя там несколько дней, он отправился в Лиссабон, где приступил к делам, ради которых и был послан в Португалию.

ГЛАВА II. Поездка в Рим откладывается; он отправляется из Лиссабона в Эвору, а оттуда в Порталегри, чтобы навестить Д. Жуана Машкареньяша, епископа того города, а также свою мать.

Одной из первейших обязанностей генеральных прокураторов, прибывавших из Индии, была поездка в Рим, дабы доложить генералу ордена о состоянии миссий, о предстоящих делах, о необходимых прошениях и обо всем прочем, что поручал им прелат. Достопочтенный отец уже готовился к этому путешествию, когда ему стало известно, что папа Иннокентий XI повелел всем миссионерам, находящимся в Риме, приносить присягу на послушание конгрегации Распространения Веры. Однако для португальских миссионеров такая присяга была неприемлема, ибо наносила ущерб правам португальской короны. Столкнувшись с этим препятствием, досточтимый Иоанн решил написать своему генералу, изложив все обстоятельства дела, дабы его высокопреподобие, приняв во внимание возникшие разногласия, рассудил, надлежит ли ему отправляться в Рим.

Отправив послание в Рим, достопочтенный отец Иоанн де Бритту прибыл в коллегию Эворы. Уладив там все необходимые дела, он отправился в Порталегри, чтобы навестить епископа дост. Жуана Машкареньяша, в коем добродетели превосходили даже знатность происхождения.

Встреча их была преисполнена необычайной радости, а взаимная учтивость вылилась в примечательное состязание: достопочтенный отец пал к стопам епископа, дабы принять его благословение, но и тот бросился наземь, более желая получить благословение, нежели дать его. В достопочтенном отце говорил долг и смирение, в епископе же — благорасположение и почтение. Один настаивал, другой не уступал. Достопочтенный отец исполнил то, что был

должен, и не мог поступить иначе; епископ же сделал больше, чем был должен, но учтивость не позволяла ему поступить иначе. Каждый поступил по-своему, но ни один не достиг желаемого, ибо они оба облобызали друг другу руки, но в благословении решительно отказали.

По окончании этих первых, столь учтивых приветствий, они приступили к беседе. Проведя час или два в разговоре, достопочтенный отец откланялся, чтобы навестить свою мать и принять ее благословение, после чего, не мешкая, отправился в коллегию того города.

ГЛАВА III. Повествование о том, что случилось с ним на пути из Эворы в Порталегри.

По пути из Эворы в Порталегри достопочтенный отец Иоанн де Бритту прибыл в укрепленный город Монфорти, где жил его брат, Фернан Перейра де Бритту. Кратко поприветствовав его, он собрался тотчас же продолжить путь, ибо, уже преодолев в тот день четыре лиги, намеревался пройти еще столько же, чтобы заночевать в Порталегри.

Но едва он выехал из города, как разразилась такая буря, что и спешащий по неотложным делам отложил бы поездку; тем более надлежало бы повременить ему, находившемуся в городе, где жил его брат, коего он не видел четырнадцать лет. Но он привык не страшиться ни ярости стихий, ни людской злобы, а потому ничто не могло заставить его свернуть с пути или повернуть назад. Не внимая мольбам отложить поездку, он с непоколебимой решимостью следовал своему намерению.

Спутником его был канцлер Эворского университета — инок большого авторитета и незаурядных дарований. Видя, что достопочтенный отец Иоанн де Бритту решил продолжать путь, не внимая ни просьбам, ни мольбам, он обратился к нему с изысканной учтивостью и сказал: «Отец Иоанн де Бритту, если вашему преподобию угодно сегодня, в столь ужасную погоду, отправиться ночевать в Порталегри, то мне это кажется прекрасным решением. Ступайте с Богом, я же намерен переночевать сегодня в местечке под названием Монфорти, в доме моего друга, которого зовут Фернан Перейра де Бритту. Утром, если погода улучшится, я отправлюсь в Порталегри вслед за вашим преподобием, и там мы увидимся».

Убежденный словами своего спутника, достопочтенный отец Иоанн де Бритту счел за лучшее вернуться в Монфорти, отложив поездку на следующий день. За те несколько часов, что он провел в городе, произошел удивительный случай.

Есть там монастырь сестер-францисканок. В нем воспитывалась племянница достопочтенного отца Иоанна де Бритту, дочь его брата Фернана Перейры де Бритту. Брат попросил его, раз уж он здесь, пойти и благословить ее. Достопочтенный отец отказывался от этого, ссылаясь на то, что не ходит в женские монастыри. В конце концов он пошел; и поскольку его святая жизнь была всем известна, монахини почитали его и с величайшим нетерпением жаждали его увидеть. И более всех прочих — одна высокопоставленная монахиня, по имени Мария Серафимов. Она уже много раз просила брата

достопочтенного отца, чтобы тот, буде приедет в их город, непременно зашел в их обитель, где все сестры желали его видеть и принять от него благословение.

Когда достопочтенный отец подошел к решетке церкви, туда тотчас же сошлись все монахини. Брат достопочтенного отца, не увидев там матери Марии Серафимов, тотчас послал за ней. Посланец вернулся с ответом, что она уже идет. Достопочтенный отец не хотел долго задерживаться и, несмотря на просьбы брата, намеревался уйти, не дожидаясь ее. Но, уступив мольбам брата, он немного повременил, и после третьего вызова инокиня прибыла, смущенная тем, что не была там первой, и еще более тем, что за ней пришлось посылать столько раз. Приблизившись к достопочтенному отцу Иоанну де Бритту, она с великой учтивостью и скромностью испросила у него благословения, как бы выражая мольбу о прощении за свою вину. Первыми словами, которые сказал ей достопочтенный отец, были следующие: «Матушка, истинное достояние — это спасение, а все прочее в этой жизни — ничто. Заботьтесь о спасении, ибо достояния земные здесь и остаются».

И, заведя другой разговор, он вскоре простился с инокинями. Спустя несколько дней эта монахиня, беседуя с братом достопочтенного отца Иоанна де Бритту, спросила его, обратил ли он внимание на первые слова, которые сказал ей достопочтенный отец при встрече. И когда тот ответил, что не придавал им значения, она сказала: «Вы, верно, помните, что, дабы я пришла повидать достопочтенного отца, за мной пришлось посылать дважды или трижды, хотя я желала видеть его более всех и сильнее всех пеклась о том, чтобы приветствовать его первой. А дело было так: мне было крайне необходимо найти одну бумагу относительно ренты пшеницей, которую мне выплачивают в этом городе, и я искала ее в своем бюро среди других бумаг. Когда мне передали первое послание, я ответила, что уже иду, но сама еще немного поискала. Поскольку я была крайне взволнована, то стала собирать бумаги, разложенные вне ящиков, чтобы оставить поиски и пойти к достопочтенному отцу Иоанну де Бритту. Пришло второе послание; я ответила, что иду. И, оставив бумаги как есть и видя, что не нахожу пропажи, я с горечью сказала себе: „В хорошем же я окажусь положении, если утрачу свое достояние“¹. И уже на пути туда, куда меня звали, я встретила третьего посланца, которому и дала ответ. И когда я предстала пред вашим преподобием, он сказал: „Матушка, истинное достояние — это спасение, а все прочее в этой жизни — ничто. Заботьтесь о спасении, ибо достояния земные здесь и остаются“».

Тут брат достопочтенного отца припомнил некоторые из тех слов и, убедившись в правдивости рассказа инокини и поразмыслив над предшествовавшими обстоятельствами, составил себе такое мнение, которое доньше по велению скромности хранилось в узилище тайны, а теперь сие правдивое повествование явит его миру ко славе добродетели.

¹ В те времена это была распространённая практика. Монастыри, как крупные землевладельцы, часто получали арендную плату или пожертвования в виде сельскохозяйственных продуктов. Поэтому для монахини документ, подтверждающий право на получение этой пшеницы, был очень важен, и она называет эту ренту своим «достоянием».

ГЛАВА IV. Возвращение в Лиссабон, где досточтимый отец занимается делами миссии; Его Величество настоятельно просит его остаться при дворе.

Пробыв несколько дней в Порталегри, он отправился ко двору, дабы заняться делами миссии. Первым делом он испросил у Его Величества ренту для катехизаторов, на что король соизволил не только с великой щедростью, но и с быстротой. Не знаю, что более достойно похвалы в государях: щедрость ли, с коей они вершат дела, или же быстрота, с коей оказывают милость. Несомненно одно: редко встретишь государя, который не обременял бы величие своей милости промедлением. Да простит мне читатель это краткое отступление, ибо оно не из тех, что позволяет мне стиль сего повествования.

Поведение достопочтенного отца при этом, как и все прочие его деяния, произвели на Его Величество столь глубокое впечатление, что он решил (как стало ясно впоследствии) удержать его при дворе. Король начал намекать на свое желание и на то, сколь полезно было бы ему иметь такого человека подле себя. Достопочтенный отец Иоанн де Бритту не придавал значения этим первым словам, стремясь лишь к завершению дел, ради которых он прибыл в Португалию. И поскольку ему необходимо было докладывать обо всем Его Величеству, он был вынужден часто бывать во дворце, как того требуют многие хлопотливые дела.

Эти частые визиты лишь укрепляли короля в его высоком мнении о священнике, ибо он умел по достоинству оценить его дарования, и в нем росло желание удержать его при себе. Каждый из знатнейших кавалеров двора так дорожил его дружбой, что они постоянно находились при нем, то все вместе, то поодиночке. И поскольку они видели в нем правдивость без притворства, простоту без церемоний, благожелательность без лести, добродетель без показной святости и талант без высокомерия, каждый стремился стать его лучшим другом и полагал, что для достопочтенного отца остаться в Португалии было бы самым верным решением, и что лучший совет, который можно ему дать — не возвращаться в Индию.

Его Величество объявил достопочтенному отцу о своем желании, чтобы тот остался в Португалии, и сказал, что сие решение продиктовано тем, сколь необходима ему его помощь. Со всей учтивостью и смирением тот отказался от великой чести, оказанной ему столь могущественным государем, и почтительно молил не препятствовать возвращению в миссию, ибо все его желание состояло в том, чтобы окончить там свою жизнь, либо истощив ее в трудах из любви к Богу, либо за веру предав ее в руки мучителей. Он говорил, что не знает для себя лучшего призвания, чем служение миссионера, и просил Его Величество позволить ему продолжать ту жизнь, к которой призвал его Господь.

Таковыми и подобными благочестивыми речами он молил о дозволении покинуть Португалию. Но Его Величество и слышать не хотел о его отказе. Достопочтенный отец, однако, со всем подобающим почтением продолжал стоять на своем. Тогда Его Величество решил прибегнуть к силе убеждения, дабы доказать отцу Иоанну де Бритту, что для нивы миссионерской его присутствие при дворе будет куда полезнее, нежели в Мадуре. И он привел такой довод: «Скажите, отче, кто успешнее возделает виноградник: один работник или множество? Ответ очевиден. Если вы отправитесь в Мадурай, у миссии будет

лишь один труженик; если же вы останетесь в Португалии, я смогу ежегодно посылать туда многих, ибо в этом мне помогут ваше рвение, усердие, ваш авторитет и моя благосклонность. Всего этого не будет, если вы не останетесь при дворе, дабы ходатайствовать о том. Опыт подтверждает правоту моих слов. Ибо если вы останетесь в Лиссабоне, у миссии будет множество работников, коих она лишится с вашим отъездом. А поскольку труд многих плодотворнее труда одного, то отсюда следует непреложный вывод, что для самой миссии будет лучше, если отец Иоанн де Бритту останется в Португалии, а не вернется в Мадурай».

Выслушав этот довод, достопочтенный отец Иоанн де Бритту ответил: «Я прибыл в Португалию не для того, чтобы уклониться от поисков новых миссионеров, но чтобы убедить всех отправляться в миссию. И я твердо намерен вернуться туда сам, дабы одних побудить мольбами, а других — собственным примером. Я уповаю на католическое рвение Вашего Величества и верю, что и в мое отсутствие вы будете с тем же усердием радеть о пользе миссии, как делали бы это в моем присутствии. И наконец, тронутый тем, что я со всем смирением сказал в ответ, вы в должное время дадите мне дозволение вернуться».

Но Его Величество не давал своего соизволения, ибо, будучи вырвано настойчивостью отца Иоанна, оно было бы равносильно уступке. Напротив, он твердо стоял на своем, неизменно повторяя, что непустит его.

ГЛАВА V. Генерал ордена призывает его в Рим; король противится этой поездке; ему предлагают стать наставником принца и инфантов; достопочтенный отец ищет всевозможные способы уклониться от этой чести.

Несколько месяцев спустя достопочтенный отец получил ответ от своего генерала, в котором тот повелевал ему отправляться в Рим.

Он известил короля об этом приказе, намереваясь немедля его исполнить. Но Его Величество, зная, что исполнение сего повеления, как мы уже говорили, нанесет ущерб интересам короны, повелел, посоветовавшись с министрами, отложить поездку, ибо он сам напишет генералу и объяснит причины, по которым не может его отпустить.

Достопочтенному отцу Иоанну де Бритту ничего не оставалось, как подчиниться. Он и сам написал генералу, изложив причину, по которой не едет. Так он и поступил, и, пока не пришло второе повеление из Рима, он так уладил все дела, что, получив известие об отмене поездки, мог бы с первым же флотом отплыть в Индию.

Поскольку дела эти требовали частого общения с Его Величеством, близкое знакомство лишь укрепляло короля в его первоначальном мнении о священнике. А отсюда рождались все новые попытки склонить достопочтенного отца к согласию остаться; он же, однако, со всей стойкостью им противостоял. Его Величество долго размышлял, какую должность предложить ему, дабы, осознав всю важность служения, он не имел бы ни предлога для защиты, ни причины для отказа. И тут ему пришло на ум, что через несколько лет потребуется наставник

для светлейшего принца дона Жуана и для его брата, инфанта дона Франсишку. И, то ли из великой привязанности к достопочтенному отцу Иоанну де Бритту, то ли потому, что ни в ком другом не нашел бы он тех качеств, коими в совершенстве тот обладал, король решил объявить ему, что предназначает его в наставники своим сыновьям, и для этого он должен остаться в Португалии.

Достопочтенный отец выслушал предложение короля и, сколь бы ни был тронут столь великой честью, неизменно отвечал учтивой благодарностью, повторяя, однако, что не может принять ее. Он утверждал, что его призвание — миссионерство, служение, которому он был столь многим обязан, и что он должен продолжить дело, начатое с таким успехом. Сей труд, говорил он, сулит так возвеличить славу Божию, что никакие земные блага и почести не могут с ним сравниться. И в конце речи, припав к стопам короля, он вновь испросил дозволения вернуться в Индию. Но чем более он упорствовал, тем сильнее разгоралось в короле желание удержать его в Португалии.

Видя, сколь велико благочестие католического монарха и сколь убедительны его доводы, достопочтенный отец, дабы не показаться невежливым, решил обсудить сей вопрос со своим исповедником, о. Мануэлом Фернандешем из Общества Иисуса, и, рассказав ему все с величайшей откровенностью, попросил посоветоваться с о. Себастьяном де Магальяйншем, также из Общества. Он просил их обоих, помолившись, вынести свое суждение и сказать, обязан ли он по совести принять столь высокое служение в Португалии, как того желал король.

Король возложил на своего духовника это деликатное поручение, но в это время уже снаряжались корабли для ежегодного плавания, и достопочтенный отец Иоанн де Бритту всеми силами стремился попасть на один из них. Столь тверда была его решимость, что он не раз говорил (и многие могут засвидетельствовать истинность этих слов), что, если Его Величество не даст ему дозволения и принудит остаться в Португалии, он притворится безумным и станет бросать камни в уличных мальчишек, дабы все сочли, что он повредился в уме, и оставили его в покое, а он тем временем нашел бы способ вернуться в Индию.

Такова была сила его призвания и действенность помощи небесной! Знал Бог, кому Он ниспосылал Свои вдохновения, и знал святой Франциск Ксаверий, кому он вверил следовать своему примеру.

Поскольку достопочтенный отец Иоанн де Бритту все еще не имел дозволения, которого добивался всеми правдами и неправдами, и намеревался отправиться в путь во что бы то ни стало, он радовался приближению отплытия, но скорбел об отсутствии разрешения. Он понимал, что королева особенно настаивала на том, чтобы он не уезжал, и полагал, что одного этого будет довольно, чтобы король отказал ему в дозволении, которого он так рьяно добивался. Тогда он обратился к отцу Леопольду Фуэшу, духовнику королевы, и с величайшей настойчивостью и глубочайшим смирением просил его убедить королеву, что препятствовать его отъезду в Индию — значит обременять совесть Ее Величества.

Отец-духовник приложил к этому делу все возможные старания, каковые и увенчались успехом. Многие другие благочестивые и влиятельные особы, то ли из усердия о спасении душ тех язычников, то ли из сострадания к терзаниям и

мольбам достопочтенного отца, помогли ему в этом предприятии с таким искусством и усердием, что убедили королеву: удерживать достопочтенного отца в Португалии — значит противиться служению Богу.

И поскольку королева была весьма богобоязненна, она, несмотря на свое горячее желание удержать достопочтенного отца, отступилась от своего намерения и поддержала его прошение, ибо была убеждена, что так ей удастся лучше угодить Богу и послужить Ему. Это последнее ходатайство оказалось столь действенным, что стало если и не единственной, то во всяком-случае главной причиной, по которой он получил искомое дозволение.

ГЛАВА VI. Наконец он получает дозволение Его Величества на отплытие в Индию; прощается с родными и друзьями.

В то время, как он был занят этими хлопотами, пришло известие от его генерала, что ехать в Рим нет необходимости. Время долгожданного отплытия приближалось, и недоставало лишь прямого дозволения Его Величества. Уже тогда он говорил об этом не как о чем-то сомнительном, но как о деле решенном, и повторял королю, что считает получение дозволения делом неминуемым, ибо Его Величество не откажет ему в том, в чем отказать не может; что он уже изложил все доводы в пользу своего прошения и что осталось лишь получить прямое дозволение, которое он мысленно уже считал данным.

Единственным, что удерживало Его Величество от того, чтобы дать сие дозволение, было ожидание ответа на вопрос, который он задал своему духовнику, о. Мануэлу Фернандешу. В заключение тот сказал ему, что Его Величество поступит не по справедливости, если воспрепятствует возвращению достопочтенного отца Иоанна де Бритту в Индию, и что такого же мнения придерживается и о. Себастьян де Магальяйнш.

Великое радение Его Величества о делах Католической Веры привело к тому, что этот ответ открыл путь к дозволению, которого так желал достопочтенный отец, и теперь он мог отправиться в столь желанное, вожденное и выстраданное путешествие, чтобы продолжить возделывать ниву, где его терзали камни, мучили тернии и удручали засухи. Здесь была одержана первая победа в великом духовном подвиге достопочтенного отца; здесь был заложен краеугольный камень в основание тех чудесных свершений и славных триумфов, которые ему предстояло стяжать.

Он уже завершил все дела, и столь успешно, что для полного счастья ему недоставало лишь оказаться снова в своей миссии. За то время, что он пробыл в Португалии, он дважды ездил в Порталегри, и оба раза по одной и той же причине: навестить мать, что жила там, и повидаться с епископом того города, доном Жуаном Машкареньяшем, о котором мы уже говорили и с коим он состоял в тесной дружбе и обсуждал свои важнейшие дела.

В последний раз, прощаясь с матерью, он хоть и не сказал ей прямо, что они больше не увидятся, но всем своим видом ясно давал понять, что расстанется с ней навсегда. А брату и прочим друзьям он при прощании уже без обиняков говорил с примечательной твердостью: «Прощайте до дня Страшного Суда».

И поскольку одним из самых близких ему людей был епископ Порталегри дон Жуан Машкареньяш, и тот желал отправиться из Порталегри в Лиссабон, чтобы в последний раз обнять его, но весьма веские причины решительно тому препятствовали, они решили встретиться на полпути. Епископ и достопочтенный отец Иоанн де Бритту уговорились, что, проделав каждый по половине пути, они встретятся в городе Пуньети, что расположен между реками Тежу и Зезере, в том месте, где последняя впадает в первую, образуя острый угол; город сей отстоит от Лиссабона на девятнадцать лиг.

Достопочтенный отец выехал из Лиссабона, а епископ — из Порталегри, и оба прибыли в Пуньети в один и тот же час, что, кажется, не лишено таинственного смысла; впрочем, судить о том предоставим самому читателю.

На следующий день они обменялись последними объятиями. Епископ пролил столько слез (ибо велико было его горе и очевидна любовь), что, когда он захотел проводить достопочтенного отца до берега реки Зезере, где тот садился на судно, окружающие заметили ему, что прелату не подобает так прилюдно высказывать свою скорбь. Достопочтенный отец Иоанн де Бритту же, словно выставляя напоказ свою твердость, сказал епископу, что слезы в данном случае столь же излишни, сколь и неуместны для его сана. И, сказав сии слова, отбыл.

ГЛАВА VII. Он преодолевает величайшее препятствие, устроенное, дабы он не взошел на корабль, и наконец отплывает на адмиральском судне.

Достопочтенный отец Иоанн де Бритту простился со всеми своими друзьями, которых было великое множество, и когда корабли уже были готовы к отплытию, оставалось лишь дожидаться назначенного дня, чтобы взойти на борт со своими спутниками. Были снаряжены два корабля, и на флагманский взошла бóльшая часть отцов, отправлявшихся в тот сезон. Достопочтенный отец плыл на адмиральском судне с двумя спутниками.

Настал день, когда корабли должны были выйти в море. Его спутники уже находились на борту; достопочтенный же отец, которому надлежало взойти последним, в тот самый день, когда прозвучал выстрел, означавший подъем якоря, покинул Коллегию Св. Антония и, направляясь к пристани, зашел во дворец Корте-Реал обнять дону Педру Луиша де Менезеша, маркиза де Мариальва, своего близкого друга.

После этого изъявления дружбы, когда он уже собрался уходить, чтобы взойти на корабль, маркиз сказал ему не делать этого, не приложившись прежде к руке короля. Досточтимый отец ответил, что уже исполнил этот долг накануне, и у него ни на что нет больше времени, кроме как сесть на корабль со своим спутником, ибо они были последними. Маркиз возразил, сказав, что корабли в тот день якоря не поднимут, и он может без всякой опаски задержаться; и чтобы он пошел приложиться к руке короля, которому будет в высшей степени приятно провести с ним еще пару часов, ибо он безмерно скорбел, что лишается его общества на всю жизнь. И когда королю донесли, что достопочтенный отец Иоанн де Бритту здесь, тот повелел ему войти.

Понимая, что не потеряет времени, уступив настоянию столь великого друга и

угодив желанию столь благосклонного короля, отец Иоанн вошел к Его Величеству, у которого находилась и королева, также желавшая побеседовать с блаженным. И оба они приняли его с теми же изъявлениями радости, с какими всегда его встречали, но радость их омрачалась скорбью о его грядущем отъезде.

Но поскольку достопочтенный отец беспокоился, не упустит ли он из-за этого промедления свой корабль, то, услышав пушечный выстрел, он бросился приложиться к руке короля и королевы, сказав: «Корабли, должно быть, уже поднимают паруса, я должен отбыть, чтобы взойти на борт». Король ответил ему, чтобы он не тревожился, ибо в тот день корабли уже не могли выйти в море, а потому у него предостаточно времени, чтобы сесть на судно. Долг повелевал ему верить словам короля, и он не усомнился. В этот момент вошел его спутник и сказал: «Отче, корабли выходят из устья реки, а мы остаемся на берегу».

Невозможно описать ужас, охвативший его при внезапном известии, что корабли уже идут под всеми парусами, почти покинув устье реки. В тот же миг он покинул покои короля и с чрезвычайной поспешностью бросился искать фрегату¹, чтобы догнать корабль. Разыскав маркиза де Мариальва, обещавшего ему лодку, он с невыразимой тревогой спросил, где же судно. Маркиз ответил, что велел приложить все старания, но поиски до сих пор не увенчались успехом, ибо все лодки уже отошли к кораблям; впрочем, он еще ждет слугу, отправленного на последние розыски, и, быть может, тому что-нибудь и удастся найти.

В тот же миг прибыл слуга и сказал, что у Боа-Вишты есть фрегата, но один из гребцов так пьян, что, кажется, не сможет грести. Услышав это, достопочтенный отец Иоанн де Бритту бросился на поиски фрегаты в сопровождении того самого слуги, которого звали Антониу Мартинш. И тот слуга с великим изумлением клянется, что они мчались с такой — то ли естественной, то ли сверхъестественной — быстротой, что он не мог разобрать, касаются ли их стопы земли, или же они летят по воздуху, так велико было отчаяние достопочтенного отца.

Когда же они добрались до фрегаты, случилось так, что, едва достопочтенный отец взшел на борт, гребец, о котором мы говорили, что он был пьян, упал в море. Антониу Мартинш свидетельствует, что достопочтенный отец простер руку и, схватив того человека, словно маленький и невесомый сверток, в мгновение ока выхватил его из воды и втащил на фрегату.

Взойдя на борт вместе со своим спутником и приказав грести со всей возможной скоростью к адмиральскому судну, он принес новые обеты св. Франциску Ксаверию, дабы тот помог ему достичь корабля, что по-человечески казалось уже невозможным.

Многие полагают, что вся эта задержка была хитроумной уловкой, придуманной самим Его Величеством из особого к нему расположения, дабы достопочтенный отец, не сумев настигнуть корабли, остался в Португалии. В пользу этого мнения говорит немало обстоятельств, хотя и доводов против него предостаточно; однако разум велит не доискиваться здесь истины, ибо частным суждениям не дано проникать в тайны государей.

Достопочтенный отец Иоанн де Бритту, захлестываемый бурей тревоги, плыл к своему кораблю, когда Мануэл Теллеш да Силва, маркиз де Алегрети, который был зрителем казни, возвращаясь после проводов кораблей, заметил стремительно несшуюся на веслах фрегату. Он понял, что на ней кто-то пытается догнать флот, и, увидев шедший вверх по реке баркас, велел ему пристать к борту. Когда тот подошел, маркиз отдал приказ: немедленно догнать фрегату, забрать ее пассажиров и под всеми парусами следовать за флотилией, пока не удастся высадить их на один из кораблей.

Приказ был исполнен: баркас догнал фрегату, и достопочтенный отец Иоанн де Бритту со своим спутником перешли на него. Напрягая все силы, они последовали приказу маркиза. Однако все эти старания оказались бы тщетны, если бы капитан адмиральского судна не был большим другом достопочтенного отца Иоанна де Бритту, по чьему ходатайству Его Величество и пожаловал ему эту должность.

Заметив отсутствие достопочтенного отца, капитан лег в дрейф, давая ему время догнать корабль. Он догадывался, что священника задержало важное дело, но был уверен: ничто не заставит его остаться. Когда башня Сан-Жиан, что стоит в устье реки в трех лигах от Лиссабона, осталась позади, с корабля заметили баркас. Предположив, что на нем находится тот, кого он ждет, капитан развернул судно, чтобы облегчить баркасу подход с подветренной стороны.

Баркас подошел к кораблю, и достопочтенный отец Иоанн де Бритту со своим спутником взошли на борт. Невозможно описать ни отчаяния достопочтенного отца при мысли, что он может не догнать корабли, ни его ликования, когда он наконец их настиг.

¹ В XVII веке, во времена описываемых событий, слово «фрегата» (fragata) означало нечто иное, нежели большой трехмачтовый военный корабль, который мы представляем себе по литературе и фильмам о XVIII-XIX веках. В ту эпоху фрегатой называли легкое, быстроходное и маневренное судно, часто гребное или парусно-гребное. Его главной задачей была не битва, а разведка, патрулирование, передача сообщений или быстрая переброска людей на короткие расстояния. Отец Иоанн находится в отчаянной спешке. Большие океанские корабли (náos) уже выходят из устья реки, и ему нужно как можно скорее их догнать. Для этой цели ему нужна не большая судно, а именно маленькая и быстрая лодка, способная стремительно покрыть расстояние по реке. Поэтому он и ищет «фрегату» — по сути, скоростной речной катер того времени, идеальное средство, чтобы догнать уходящий флот.

ГЛАВА VIII. Краткое повествование о его плавании.

Едва достопочтенный отец Иоанн де Бритту взошел на корабль, все ожидавшие приняли его в свои объятия. Столь безмерна была его радость от обретенной наконец возможности вернуться в миссию, что она вполне оправдывала то рвение, с которым он туда стремился; подвиги же, которые ему предстояло там совершить, впоследствии прославят его в лике святых.

Корабли благополучно вышли из устья реки. И хотя по справедливости плавание, казалось бы, должно было дать ему передышку между трудами уже свершенными

и теми, что ждали его в Индии, куда с таким рвением устремлялись его пламенный дух и несравненное милосердие, однако, блаженный распорядился своим временем иначе: едва начав путь, он тотчас же приступил к новым подвигам.

Поскольку главным поприщем для его милосердия на корабле была помощь больным, он с таким рвением принялся служить им в качестве духовника, врача и сиделки, словно это служение было возложено на него одного. В пути множество людей заболело, и достопочтенный отец помогал всем: одним — лекарством, другим — утешением, иным — Таинствами. Он служил всем без усталости и покоя, не обращая внимания ни на опасность для своего здоровья, ни на угрозу для собственной жизни.

В этом столь же ревностном, сколь и самоотверженном служении он навлек на себя столь тяжкий недуг, что все уже отчаялись в его выздоровлении. Однако, по воле Господней, он чудесным образом, как полагали многие, избежал смерти и прибыл в Гоа; и хотя болезнь еще не отступила, жизнь его была уже вне опасности.

ГЛАВА IX. Он отправляется из Гоа в Малабар и, будучи назначен визитатором миссии, отправляется в королевство Марава; его призывает к себе князь Терия-тхевар, решивший обратиться в нашу святую веру.

Прибыв в Гоа и едва оправившись от болезни, достопочтенный отец Иоанн де Бритту тотчас же направил все помыслы на то, чтобы подготовиться к переезду в миссию, что было средоточием всех его замыслов и предметом всех его желаний. Пробыв в Гоа лишь столько времени, сколько потребовалось для восстановления сил, он отплыл в Малабар, где и доложил отцу-провинциалу, как исполнил дела, ради которых его посылали в Европу.

Излишне говорить, с каким радушием и любовью принял его отец-провинциал, благодарный за то, как образцово он исполнил все обязанности генерального прокуратора. И, желая показать, сколь высоко следует ценить такой великий талант, он назначил его визитатором миссии.

Поскольку достопочтенный отец Иоанн де Бритту не знал ничего, кроме послушания, он, хоть смирение его и отвергало всякий начальственный сан, принял это назначение и немедленно приступил к исполнению своих обязанностей, отправившись в миссию для посещения тамошних резиденций.

И чтобы наилучшим образом исполнить долг начальствующего, который, как строжайше повелевала ему совесть, обязывал его подавать всем пример, он не пользовался удобствами и преимуществами, сопряженными со своим саном, и не искал ни отдохновения, ни покоя, непрерывно продолжая череду апостольских трудов. И, словно закаляя дух для еще более великих свершений, он отправился в королевство Марава — в край, где мученичество стало ему отрадой, лишения — утешением, а страдания — покоем.

В то время там правил князь Рагхунатха-тхевар, который, будучи регентом, восстал против своего племянника, князя Терии-тхевара, захватил власть и

правил как узурпатор. Ему повиновались все, за исключением нескольких земель, где законную власть сохранял князь Терия-тхевар.

Сей регент был не только жесточайшим тираном, но и ярым гонителем христиан. Шесть лет назад он под страхом смерти запретил достопочтенному отцу проповедовать Евангелие в тех краях. Но для пламенного усердия святого эти запреты служили лишь новым побуждением, и он с таким рвением продолжал проповедь, что тиран, видя, как тот пренебрегает его повелением, приказал подвергнуть блаженного пыткам, о которых мы уже повествовали ранее.

Прибыв в Мараву, достопочтенный отец посетил лесные чащи, где укрывались церкви христиан. Узнав о возвращении своего давнего пастыря, верующие стекались туда, чтобы присутствовать на Божественных службах и удостоиться таинства исповеди и Святого Причастия. Приходили и катехумены, чтобы принять святое крещение, и даже язычники, желавшие обратиться и слушать катехизис. Столь обилен был плод, собранный на этой ниве, что за пятнадцать месяцев своего пребывания там блаженный крестил более восьми тысяч катехуменов.

Слава о чудесах, которые Господь наш являл через него тем, кто желал обратиться в Его веру и с благоговением слушал проповедь, была столь велика и повсеместна, что, когда князь Терия-тхевар, о котором мы говорили выше, впал в тяжелейшую болезнь и, находясь при смерти и отчаявшись в человеческой помощи, услышал о чудесных исцелениях, даруемых Богом тем, кто от всего сердца искал путь к истинной жизни, он послал сообщить достопочтенному отцу о своем бедственном положении и просил его прийти и наставить его в евангельском учении, которое он желал не только познать, но и принять.

Выслушав эту просьбу, достопочтенный отец отправил одного из своих катехизаторов к князю. Тот, придя и видя плачевное состояние больного, прочел над его головой Евангелие и Символ веры. И едва он это сделал, как князь не только избежал смертельной опасности, но и обрел совершенное здоровье — ко всеобщему изумлению, к вразумлению исцеленного и к величайшей радости того, кто применил сии средства.

Тогда князь окончательно решился обратиться в нашу святую веру и во второй раз с величайшей настойчивостью послал просить достопочтенного отца, чтобы тот пришел наставить и крестить его. Достопочтенный отец, понимая, что настало время действовать, и не слушая тех, кто уверял его, что князь — один из злейших врагов католиков и что его призвание может оказаться притворством, пренебрег всеми этими предостережениями и тотчас же отправился к нему.

ГЛАВА X. Он беседует с князем Терией-тхеваром; тот готовится к крещению, что становится причиной гонений на достопочтенного отца.

Достопочтенный отец предстал пред князем Терией-тхеваром, который принял его с изъявлениями безмерной радости, благоволения и благодарности. Священник нашел его в поистине дивном расположении к принятию крещения, как то вскоре и подтвердилось.

Поскольку земли те находились под властью сего князя, достопочтенный отец обрел там большую свободу проповедовать и крестить. Так, отпраздновав Богоявление, он тотчас же крестил более двухсот катехуменов. Князь желал, чтобы и его немедля причислили к сим новообращенным христианам. Его искреннее желание было уже столь очевидно, а сам он так хорошо наставлен, что единственным препятствием к его крещению было то, что, по обычаю тех земель, он имел пять жен, и теперь ему надлежало отпустить четырех из них, оставив лишь одну.

Достопочтенный отец изложил ему это с величайшей убедительностью, а тот выслушал с полной решимостью следовать всему необходимому для исповедания Евангельского Закона и, дав слово отпустить четырех из пяти своих жен, отправился домой. Собрав всех пятерых, он сказал им, что твердо решил принять крещение и исповедовать Закон Христов, ибо познал, что лишь в нем одном есть спасение. Но поскольку сей Закон повелевает, чтобы живущие по нему имели не более одной жены, он, желая немедля исполнить эту заповедь, постановил, что лишь одна — та, что была его первой супругой — останется его законной женой, а остальных он отпускает. Сказав сие и сделав выбор, он предложил четверем отвергнутым, если они пожелают жить в его дворце отдельно, как сестры, достойное содержание в размере половины своего достояния. И сказанное им было тотчас же исполнено.

Одна из четырех отвергнутых жен была племянницей правящего князя-регента. И она, то ли от гордости, то ли от чувства поруганной чести, то ли от несдержанности, то ли по злобности, отправилась к своему дяде и стала жаловаться на обиду, нанесенную ей и трем другим женщинам князем Терией-тхеваром. И жаловалась она не столько на само отвержение, сколько на его причину, которая давала еще больший повод для сокрушения — не только ей, но и всем. Ибо причиной, побудившей князя Терия-тхевара к столь великой дерзости, было его желание исповедовать Закон христиан и следовать ему, к чему склонил его некий чародей, который ходит по королевству и чарами принуждает людей следовать Закону, который он проповедует.

К этой жалобе присоединились и жалобы всех идольских жрецов и брахманов. Воспользовавшись случаем для отмщения и движимые ненавистью к достопочтенному отцу Иоанну де Бритту, все они сговорились, дабы убедить короля лишить достопочтенного отца жизни и искоренить евангельскую проповедь в его владениях. И чтобы лучше представить свою злокозненную и диавольскую жалобу, они избрали своим предводителем того, кто показался им наиболее способным: одного из самых влиятельных жрецов по имени Пушпаванан.

Сей жрец, с видом опечаленного и уязвленного в своих чувствах богомольца, сказал королю от имени всех: поскольку этот обманщик и нечестивец своей проповедью и чарами увлек почти всех за собой, храмы стоят в запустении, идолам не воздают почестей, ибо люди перестали приходить на собрания, участвовать в обрядах и приносить жертвы. Оттого храмы покинуты, идолы оскорблены, жрецы сетуют, а все вокруг — в смятении. И если его высочество не положит конец сему злу, то все, кто оплакивает кровавыми слезами это поругание идолов и унижение веры, полны решимости покинуть королевство и

поселиться в самых дальних пустынях, дабы не испытать на себе кары, которая явно вот-вот падет на того, кто, имея возможность пресечь сие гнусное злодеяние, попускает и терпит его.

Разъяренный сими жалобами, тиран приказал издать указы, повелевавшие немедленно сжечь церкви христиан и разграбить их дома. Строжайшим повелением он приказал схватить достопочтенного отца Иоанна де Бритту, поручив это дело своему старшему брату Тируврея-тхевару.

Впрочем, не столько религиозное рвение, сколько властолюбие побудило тирана издать сей указ. Ибо он опасался, что, если князь Терия-тхевар, законный властитель тех земель, станет христианином, за ним последуют все исповедующие Закон Христов, коих было уже великое множество. Он страшился, что, соединив в себе достоинства законного государя, всеобщего любимца и христианина, князь с легкостью сможет поднять католиков на восстание и вернуть себе власть.

Именно эти государственные соображения заставили его столь внимательно выслушать жалобы жрецов и с такой поспешностью удовлетворить их прошение, хотя первой и главной причиной всему была его ненависть к [истинной] вере.

ГЛАВА XI. Достопочтенный отец Иоанн де Бритту взят в плен; повествование о событиях, предшествовавших его прибытию ко двору тирана Рагхунатха-тхевара.

Восьмого января достопочтенный отец Иоанн де Бритту находился в землях, подвластных князю Терии-тхевару. Преподавая там Таинства великому множеству людей, он повелел всем поспешно удалиться, ибо на них надвигается великое гонение. Едва они ушли, как ему сообщили, что его ищет отряд всадников. Услыхав эту весть, достопочтенный отец вышел навстречу воинам, шедшим схватить его, с таким радостным лицом, словно бы наконец-то обрел то, чего страстно желал.

Жестокие слуги тирана обходились с ним со всяческим нечестием, будто пришли лишь для того, чтобы испытать его терпение оскорблениями и стойкость — поруганием. Побой сменялись бранью, и не было счета ни тем, ни другим; наконец, вдоволь поправ его ногами, связали ему руки. Вместе с достопочтенным отцом схватили также одного из его катехизаторов и брахмана по имени Иоанн.

Оттуда воины повели обоих пленников в место, где находился тиран. Невероятны были мучения, которые претерпели сии невинные узники в пути, ибо бесчеловечные слуги, понуждая их идти пешими, требовали, чтобы те не отставали от лошадей. И когда, изнемогая от непосильных издевательств и жестокости, они падали на землю, их с еще большей свирепостью избивали, заставляя подняться.

В селениях, через которые они проходили, их встречали неистовые глумления и оскорбления черни, ибо несть числа было тем, кто выходил изрыгать брань и непотребства.

Не дойдя до столицы, они вступили в селение под названием Анумандакурем. Здесь стражники решили остановиться и усилить конвой, опасаясь, что христиане, видя столь бесчеловечное обращение с узниками, могут поднять бунт. На время своей трапезы и отдыха стражники привязали пленников к триумфальной колеснице, стоявшей у всех на виду, той самой, в которой обычно возили своих ложных богов, а на ночь заковали их ноги в тяжелейшие кандалы.

На следующее утро к начальнику конвоя прибыли новые солдаты, дабы усилить охрану на случай бунта, и было решено продолжить путь ко двору. Достопочтенный отец Иоанн де Бритту был сплошной раной от множества жестоких побоев, а ноги его, истерзанные кандалами, опухли так, что он не мог сделать ни шагу. Тогда его посадили на коня, которого прислал ему в пути генерал Маравы по имени Шина-Павер-Деран, благочестивейший христианин. Сжалившись над плачевным состоянием достопочтенного отца, он испросил у конвоиров дозволения оказать эту ничтожную милость страдальцу.

Так, получив некоторое облегчение, блаженный продолжал свой путь до Раманатхапурама, столицы того княжества. Одиннадцатого января достопочтенный отец и катехизатор прибыли в город, претерпев в пути с дивным терпением унижительные оскорбления, невыносимые муки и жестокий голод. И поскольку тирана Рагхунатха-тхевара в то время не было при дворе, обоих узников бросили в мрачную темницу до его возвращения.

В то же время, когда Тируврей-тхевар послал своих воинов схватить достопочтенного отца Иоанна де Бритту, он также отправил приказ в Кандараманукам — селение, близ которого у достопочтенного отца была хижина-скит, — дабы ее разграбили, сожгли, а всех, кто там находился, взяли в плен.

Губернатор Кандараманукама не только исполнил приказание, но и превзошел его в жестокости: разграбил не только скит, но и дома катехизатора и нескольких христиан, живших там. Совершив грабеж, он сжег и сравнял их жилища с землей, а затем схватил катехизатора по имени Мутту и двух мальчиков, изучавших Закон Божий, одного по имени Аруланандам, а другого Мариадасан. Подвергнув жесточайшему бичеванию и осыпав гнусной бранью, их, закованных в кандалы, повели ко двору.

Они прибыли двенадцатого января, и их бросили в ту же темницу, где уже находился их наставник, достопочтенный отец Иоанн де Бритту. Он принял их с нежнейшими изъявлениями любви и благоволения, многократно лобызая цепи, коими мучители бесчеловечно сковывали невинных агнцев. Не в силах сдержать слез, он скорбел, видя их страдания. Они же, в свою очередь, с любовью обнимали своего доброго наставника.

Все они возблагодарили Божественную Благодать за особую милость к ним: за само страдание и за ту стойкость, которую с восхищением видели друг в друге. И так, до возвращения тирана ко двору, все они оставались в одной темнице.

ГЛАВА XII. О том, что произошло с Тируврея-тхеваром при дворе.

Наконец тиран прибыл ко двору. С ним не было его двоюродного брата Тируврея-

тхевара, которого он отправил вперед, поручив ему схватить достойного отца Иоанна де Бритту, вместе с нашими узниками, а также с добычей, захваченной в скиту. Тируврея-тхевар, страдаемый алчностью, полагал, что найдет там несметные сокровища, но обнаружил лишь самую жалкую нищету: среди убогих пожитков было Распятие из латуни.

Оно показалось ему золотым, и, чтобы развеять свои сомнения (или, вернее, безумие), он велел проверить его камнем. Убедившись, что это не золото, он впал в ярость и в гневе спросил достойного отца, что это за изваяние. «Это образ Бога моего и Господа моего», — отвечал тот.

Услышав это, Тируврея-тхевар принялся изрыгать хулу на Распятие, и все присутствующие вторили ему. В святотатственной ярости и слепоте они швырнули святой образ на землю с величайшим непочтением и дьявольской злобой. В ответ на это гнусное деяние благочестивый и исполненный благоговения достойный отец с величайшим смирением и нежностью бросился наземь, чтобы поднять святыню. Он облобызал образ и, прижав к груди, обнял с безмерной любовью.

Услышав об этом, тиран пришел в такую ярость, что немедленно отправил к брату двух гонцов с приказом в тот же час, как он получит это послание, лишить жизни достойного отца и двух его катехизаторов, находившихся с ним в заточении.

То был последний приговор, вынесенный тираном; и казалось, будто в героической стойкости и несравненном терпении, с которыми достойный отец сносил все мучения, он уже предвидел ожидавший его триумф, а в неистовой гордыне, с которой бесчинствовал тиран, — грозившую тому гибель.

Гонцы прибыли, вошли в темницу и, застав достойного отца коленопреклоненным в благочестивой и пылкой молитве, не осмелились объявить ему о приговоре, но передали послание брату тирана. Все узники возрадовались этой вести, словно в известии о смерти обрели залог вечной жизни.

ГЛАВА XIII. Сановники противятся воле князя Рагхунатхи-тхевара, желавшего говорить с достойным отцом; попытки погубить его колдовством; дальнейшие события до того, как он предстал пред тираном.

Пока Тируврея-тхевар вершил все это, князь Рагхунатха-тхевар узнал, что достойный отец и прочие узники уже находятся в придворной темнице, и вознамерился призвать к себе достойного отца для беседы. Но жрецы, уже донесшие тирану на святого (а главным из них был брахман Палпанаван), узнав, что он в темнице, поспешили предъявить ему новые обвинения. Теперь они винили его не только в проповеди Евангелия, но и во всех мыслимых преступлениях. Состряпав из своих доносов целый свод тяжких обвинений, они потребовали вынести приговор и покарать его за столь тяжкие вины.

Тиран обещал им, что узник понесет заслуженную кару за свои гнусные проступки. Но этим адским доносчикам было мало дьявольских ухищрений; они

употребляли все свое красноречие, всячески противясь тому, чтобы князь Рагхунатха-тхевар призывал к себе достопочтенного отца Иоанна де Бритту. Они опасались, что князь заставит их вступить с ним в диспут, в котором они непременно потерпят поражение, что для столь гордых и надменных людей было бы постыднейшим унижением. После такого позора они не посмели бы ни просить Рагхунатху-тхевара лишить его жизни и положить конец евангельской проповеди в его владениях, ни уверять князя, будто достопочтенный отец сам не знает, что говорит, и лишь колдовством прельщает тех, кто следует его Закону.

Посему весь их умысел сводился к тому, чтобы убедить князя, что ему не подобает говорить с достопочтенным отцом и даже видеть его, ибо он — столь искусный чародей, что заклинаниями подчиняет себе всякого, кто с ним заговорит. На это князь, взглянув на Терию-тхевара, который доблестно защищал дело достопочтенного отца, отвечал: «Его чары не могут быть сильнее наших; а если нет — вы все увидите, как в течение трех дней я силой колдовства умерщвлю его, и никто к нему не прикоснется».

И, приготовив все необходимое для дьявольского ритуала, именуемого «Патирагули-пугей»¹, он велел приступить к делу. Совершили все положенные обряды, главный из которых состоял в том, чтобы бросить в огонь глиняное изваяние достопочтенного отца. Но когда по прошествии трех дней они пришли в темницу посмотреть, испустил ли он дух, то нашли его еще более бодрым, чем до их адских стараний.

Тогда они приступили к другому колдовству, именуемому «Сат-печчион», которое, по их словам, действовало еще сильнее, уповая на то, что уж оно-то утолит их лютую ненависть. Чтобы вернее достичь своей проклятой цели, они решили к чарам прибавить и голод — этого самого верного палача. Посему они приказали в те дни, когда они будут молить своих богов о смерти достопочтенного отца, не давать ему никакой еды, но обращаться с ним с величайшей жестокостью. Но столь всемогущ Господь, что, хотя стражники в точности исполняли приказ, доблестный воин Христов с каждым днем становился лишь бодрее и крепче.

Тиран Рагхунатха-тхевар, видя, что все его злокозненные чары бессильны против жизни невинного отца, в новой ярости и стыде обратил весь свой гнев на князя Терию-тхевара и самых знатных из христиан, бывших при нем, повелев им поклониться стоявшему там идолу под страхом немедленной смерти. Князь с твердостью отверг это повеление, презрев угрозу, и сказал, что поклоняется лишь единому истинному Богу, от Которого чудесным образом получил телесное здравие и от Которого чает получить здравие вечное, а потому, дабы обрести его, не боится лишиться жизни. Почти то же отвечал и один знатный вельможа по имени Пара-тхевар. Великую стойкость в этом испытании придавали им непрестанные увещания, которые достопочтенный отец Иоанн де Бритту посылал им из темницы, напоминая не только о бесконечных милостях, коими они обязаны Богу, но и о награде за заслуги и о каре за грехи.

То же он делал и для своих возлюбленных учеников и спутников, изъясняя им величие мученичества, страдания коего смягчались мыслью о вечном блаженстве, обретаемом через него. И, полагая, что их призовут пред лицо

тирана, он наставлял их, что надлежит отвечать, и учил благочестивым молитвам, дабы испросить у Бога добродетель стойкости. Так он воспламенял во всех желание мученичества. Столь действенны были эти увещевания для невинных душ, и такое желание отдать жизнь за веру они в них породили, что, услышав, будто князь хочет даровать им свободу, они плакали, почитая сию милость тирана за величайшее несчастье.

Этому он учил их, взирая на жизнь и деяния своего Учителя. С особым вниманием они примечали, что, чем сильнее его угнетали труды, тем более радостным и умиротворенным он казался. Он претерпевал в темнице невыносимые муки, сносил нестерпимый голод и жажду, но никогда не показывал вида, что страждет. Много раз отцы-провинциалы Жуан да Кошта, Мануэл да Роша и другие пытались помочь ему, с великим милосердием посылая ему некоторые яства и поручая преданным ему людям лично заботиться о нем в темнице. Но все их старания разбивались о неусыпную бдительность стражи и строжайший приказ пресекать всякое общение достопочтенного отца с христианами на воле.

Некоторые язычники посещали его в темнице, чтобы поглумиться над ним, другие — чтобы вступить в диспут. Последние, по милости Божией, уходили посрамленными и пристыженными, а первые — изменив свои намерения.

Все речи достопочтенного отца были проникнуты жаждой мученичества, и столь пламенным было это желание, что однажды услышали, как он молился: «Господи и Искупитель мой! В четверг Ты был взят под стражу ради меня, и в четверг же я был взят под стражу ради Тебя. Сподоби же меня ныне, милосердный Господи, дабы, как Ты Своею смертью совершил мое искупление, так и я из любви к Тебе завершил сию жизнь. Но поскольку я не достоин святого креста, на коем Ты умер за меня, даруй мне хотя бы его подобие, в котором я мог бы за Тебя окончить свои дни. Пусть тело мое будет жестоко растерзано, ибо оно не заслуживает даже погребения; пусть станет оно пищей для диких зверей».

Этого просил, этого желал славный мученик Иисуса Христа, и это самое было ему даровано, как мы скоро увидим.

¹ Название «Патирагули-пугей» — попытка португальского автора XVII века передать на слух сложное тамильское название магического ритуала. Речь идет о форме черной магии, широко известной в тамильской культуре как Пилли-суньям. «Пугей» — это искаженное тамильское слово «пуджа», означающее «ритуал, обряд, поклонение». «Патирагули» — это, скорее всего, искаженное имя Пратъянгиры, т.е. гневной богини Бхадракали, к которой часто обращались в подобных обрядах.

ГЛАВА XIV. Достопочтенный отец предстает пред тираном; он выслушан и приговорен к смерти; казнь откладывается, и, наконец, его отправляют в Ориюр, дабы там брат тирана, Удая-тхевар, привел приговор в исполнение.

На двадцать третий день заточения достопочтенного отца князь Рагхунатхатхевар призвал его на суд вместе со спутниками. Опасаясь говорить с ним лично, ибо его уверили, будто святой чарами подчиняет себе всякого, кто с ним общается, он повелел присутствовавшему там Тирувреятхевару спросить его,

владеет ли он искусством отражать удар пушечного ядра и может ли вызывать дождь, когда это будет необходимо. На это достопочтенный отец отвечал, что гнушается подобных искусств.

Более двух часов продержали его со спутниками на невыносимом, испепеляющем солнце, осыпая бранью, насмешками и оскорблениями, которые они сносили с несказанным терпением.

Затем Рагхунатха-тхевар велел вновь отвести узников в темницу, но вскоре приказал доставить к нему двоих из них — Мутту и Арулананду. С дозволения тирана достопочтенный отец Иоанн де Бритту пошел с ними и в краткой беседе ободрил их, призывая с радостью пострадать за Христа и говоря, что настал тот час, которого они так желали, дабы с твердостью отдать жизнь за Того, Кто даровал им ее. Воодушевленные словами своего наставника, эти воины Христовы предстали пред тираном, почитая оковы, коими были обременены, за праздничное убранство.

Едва они приблизились, князь осыпал их тысячью оскорблений и велел им прочесть молитвы из их катехизиса. Они же в ответ сотворили крестное знамение, как подобает верующим в истинного Бога, и перечислили десять заповедей Декалога. Но на каждое слово, произнесенное двумя христианами, варвар отвечал богохульством. И когда он спросил их, готовы ли они подтвердить свои слова кровью и самой жизнью, они отвечали: «О, если бы у нас было много жизней, дабы, отдав их все за веру, мы могли бы многократно подтвердить истину, которую ныне открыто исповедуем». Младшему из них было всего пятнадцать лет, старшему — не более двадцати двух.

Тут тиран, вспыхнув новым гневом, приказал немедленно расстрелять их, поручив исполнение приговора одному искусному в стрельбе солдату. Тот немедля приготовился к выстрелу, но, когда он прицелился из ружья, курок, ударив по кремню, не высек огня. Взбешенный этой неудачей, тиран велел взвести курок во второй раз и выстрелить в стену; на сей раз ружье выстрелило, и пули проделали в стене большую брешь.

Все это время доблестные воины Христовы стояли недвижно, являя в своей стойкости мужество, не свойственное их юным годам.

Видя это, достопочтенный отец Иоанн де Бритту доблестно заступился за своих воинов и в присутствии тирана сказал: «Если мои ученики виновны в том, что следуют Закону Христову и исповедуют его, то вина лежит на мне, ибо я — их наставник. И поскольку я — источник их вины, ибо научил их тому, в чем их обвиняют, несправедливо, чтобы невинные несли наказание за виновного. Вот я пред вами, пусть на меня падет этот удар, ибо я готов принять его».

При этих словах и тиран, и все его приближенные, словно свирепые волки, окружили невинного агнца, осыпая его пощечинами, пинками и столь бесчеловечными ударами, что все присутствовавшие решили, что он не выйдет оттуда живым. Но он сносил все с таким терпением, смирением и радостью, что один из язычников с изумлением сказал: «Все пытаются опровергнуть Закон этого человека как ложный, но страдания, которые он являет, без сомнения

доказывают, что он истинен».

Когда жестокая расправа над достопочтенным отцом окончилась, тиран спросил его о книге Закона, которому тот учил. Один из солдат принес ему Бревиарий, захваченный при разграблении церкви, чему тиран был весьма рад, ибо его уверили, будто с помощью этой книги святой не только отражает любые чары, но и защищен от всяких, даже пушечных, ядер. Суеверный идолопоклонник спросил: «Может ли пуля из ружья повредить эту книгу?» На что достопочтенный отец ответил: «Естественным образом — вполне может».

Чтобы проверить это, тиран в насмешку велел привязать Бревиарий к курице и приказал солдату выстрелить. Тот повиновался. Пуля разорвала курицу на куски, но Бревиарий остался невредим. Смущенный тиран велел во второй раз выстрелить уже в один только Бревиарий. После выстрела на книге осталась лишь небольшая царапина от пули. Тогда варвар и надменный тиран принялся бранить святого и обвинять его во лжи, будто тот обещал ему, что Бревиарий не пострадает, хотя на самом деле он утверждал обратное.

В этот миг один знатный язычник, тронутый столькими несправедливыми страданиями, желая заступиться за невинного, учтиво выразил свое неодобрение. Но тиран прибег к новой уловке: переменив тему, он спросил достопочтенного отца, помнит ли он, как несколько лет назад ему под страхом смерти было запрещено проповедовать Евангелие в его землях. И если приказ был ему объявлен, то как он осмелился проповедовать и учить открыто, нарушая его повеление?

Сочтя это достаточным основанием для тягчайшего наказания, он приговорил его к обезглавливанию. На площади немедленно приготовили все необходимое для казни. Достопочтенный отец уже стоял у плахи, готовый отдать жизнь, но тиран повелел приостановить казнь и вернуть его в темницу.

Однако, хотя расправа и была отложена, ненависть в его сердце не угасла, и он твердо решил погубить святого любым способом, лишь бы это не происходило публично. Он опасался, что заступничество князя Тери-тхевара не только помешает казни, но и может привести к народному волнению. Это препятствие еще сильнее распалило пламя его гнева. Победенный яростью, он повелел отвезти достопочтенного отца в Ориур — город, расположенный в двух днях пути от двора, на берегу реки Памбар и на границе княжества. Там находился его брат, по имени Уда-тхевар, столь же жестокий и злобный, как и он сам. Ему тиран отправил послание, что шлет к нему сего узника и повелевает предать его смерти через те мучения, какие он сочтет нужными.

ГЛАВА XV. Он отправляется в Ориур; его приводят к Уда-тхевару, и, наконец, по его приказу предадут смерти из ненависти к христианской вере.

Когда пришло время достопочтенному отцу Иоанну де Бритту отправиться из Раманатхапурама в Ориур, он простился со своими столь любимыми и чтимыми учениками и спутниками. Эта разлука стала для достопочтенного отца самой невыносимой мукой, на которую обрекла его бесчеловечность тирана. Скрепя сердце он простился и, превозмогая величайшее отвращение, отправился в путь.

Повествование об этом прощании — скорее предмет для скорби, нежели для рассуждения; пусть же чувства восполнят то, что не в силах выразить слова.

Наконец, насильно разлученный со своими возлюбленными учениками, он покинул Раманатхапурам и прибыл в Ориюр тридцать первого января. Путь его был сопряжен с такими невыносимыми муками и невероятными страданиями, что, если он и не испустил дух в дороге, то можно с уверенностью полагать, что сохранила его лишь особая милость Небес. Столь сильны были удары, коими осыпали его свирепые и разъяренные палачи, что проливаемая кровь оставляла на пути следы их жестокости.

Когда они прибыли в Ориюр, конвоиры передали тирану Уда-ятхевару послание, которое везли ему, а почтенного отца Иоанна де Бритту ввергли в темницу.

Уда-ятхевар уже много лет страдал от проказы и был почти полностью парализован. Он пожелал, чтобы почтенного отца привели к нему, и, когда тот предстал пред ним, попросил исцелить его от недуга, от которого он столько лет не находил избавления, ибо слышал, будто святой творит подобные чудеса. Почтенный отец отвечал, что не он дарует здоровье и не имеет власти творить то, что под силу лишь всемогущему Богу, Господу и Творцу неба и земли; но если он может помочь ему каким-либо человеческим средством, то с величайшей охотой сделает это. Больной настаивал, говоря: «Я прекрасно знаю, какая власть и полномочия тебе даны, и что в твоей руке — отнять у меня жизнь или даровать ее. Если ты исцелишь меня, я не умру. Более того, ты выйдешь отсюда с многоценным даром».

На это почтенный отец отвечал, что все, что может предложить ему мир, он ни во что не ставит, а помилование ценит так мало, что всегда стремился отдать жизнь за веру от рук палачей. Ибо он уже давно ожидал, как особой милости Божией, той смерти, которую ему определили в наказание, он же принимал ее как благодеяние.

Этот тиран не раз вступал в диспуты с почтенным отцом о вере и призывал различных своих ученых мужей, чтобы они спорили с ним, но все они, по благодати Божией, были посрамлены, хотя и остались столь упорны в своем заблуждении, что не пожелали ни признать своей ошибки, ни оставить идолопоклонства.

Убедившись, что таким путем он не обретет желанного здоровья, ибо хотел, чтобы Бог сотворил над ним чудо, но сам не желал принять веру, чрез которую Божественное Всемогущество и творит все свои чудеса, тиран велел вернуть блаженного в темницу, откуда он написал о. Франсишку Лайнешу следующее письмо:

«Двадцать восьмого января я был приведен на суд и приговорен к расстрелу пред самим Разхунатха-тхеваром. Когда меня уже поставили на место, где должны были расстрелять, и все было готово, упомянутый Разхунатха-тхевар, опасаясь народного волнения, разлучил меня с моими славными исповедниками Христовыми и отправил к своему брату Уда-ятхевару. Тридцать первого января меня призвали на допрос, где состоялся долгий диспут, после чего меня вновь ввергли в темницу, где я и ожидаю смерти ради Бога моего и Господа моего, чего я единственно и

искал, дважды отправляясь в Индию, в миссию и в земли Маравы. И хотя велики труды, награда еще больше. Я пребываю в великом утешении и радости о Господе, ибо если вина, в которой меня обвиняют, есть добродетель, то пострадать за нее — великая слава. Чтобы удостоиться ее, испрашиваю святого благословения Вашего преподобия и поручаю себя Вашим святым молитвам. Темница, 3 февраля 1693 года».

Четвертого числа того же месяца его вывели из Ориюра в уединенное место, где на возвышенности у реки Памбар стоял алтарь. Там священной жертве вынесли последний приговор: умереть от рук палачей. Его вели на казнь, обвиняя в двух тяжчайших преступлениях, под гнусные оскорбления и святотатственные хуления бесчисленной толпы. Блаженный страдалец шел с радостным лицом, довольный, что наконец-то достигнет того, чего так жаждал и ради чего столько трудился. И когда он, кроткий агнец, пришел на место жертвоприношения, всецело предав себя в жертву любви, палач принялся точить свой нож на камне, потратив на это почти полчаса. В это время достопочтенный отец, погруженный в себя, пламенно молился, и горячие его воздыхания восходили к Небесам.

Когда же по прошествии получаса, проведенного в беседе с Богом, достопочтенный отец поднялся, лик его был столь радостен, что казался то зеркалом, в коем отражалась благодать, то пылающей Этной, где пылал огонь любви к Богу. Затем с примечательным смирением и терпением он предался воле палачей, исполнителей тиранского приговора, благодаря их, как мог, за благодеяние, которое ожидал принять от их рук.

В это время в толпе, собравшейся поглядеть на казнь, находились два новообращенных христианина. Увидев облик учителя, они преисполнились такой ревностью, что, прорвавшись сквозь толпу, бросились к палачам, исповедуя католическую веру и восклицая, что желают отдать жизнь во славу ее и в сей жертве верно сопутствовать своему святому наставнику. Поскольку палачи не имели власти исполнить благочестивое желание этих двух доблестных исповедников, они, дожидаясь нового приказа тирана, ввергли их в темницу.

Затем они тотчас же набросились на достопочтенного отца и сорвали с него одежды, ибо по обычаю той страны так поступали со всеми, кого вели на казнь. Обнаружив у него на шее реликварий, они решили, что в нем он носит амулеты, коими околдовывает тех, кого обращает, ибо в их представлении обратиться в новую веру означало быть околдованным. И, переглянувшись, они предостерегли друг друга не прикасаться к нему, дабы, подобно прочим, не подпасть под действие ядовитых чар. А дабы сорвать его, не прикасаясь, они, видя, что реликварий висит на шнурке, срезали его столь сильным ударом ятагана, что лезвие, войдя в тело, нанесло ему глубокую рану.

Едва реликварий, сорванный с шеи, упал на землю, палачи подошли к достопочтенному отцу. Они заставили его сесть, чтобы принять последний удар, и связали ему руки, а длинную бороду, которую он всегда носил (ибо так подобает наставникам и учителям Закона в тех землях), привязали к груди.

По завершении этих мрачных приготовлений, палач, взяв уже упомянутый нож, обрушил его на шею священной жертвы — удар столь желанный, столь

вымоленный и столь многими заслугами стяжанный.

Ныне св. Франциск Ксаверий узрел плоды своего покровительства. Ныне достопочтенный отец Иоанн де Бритту узрел исполнение своего желания. Ныне свершилось то, о чем он столько молил. Ныне, наконец, великий миссионер Мадурая, неутомимый делатель в винограднике Господнем, истинный сын Общества Иисусова, верный подражатель Апостола Востока, отдал жизнь в свидетельство чистоты католической веры и истинности христианской религии, которую он исповедовал и проповедовал.

ГЛАВА XVI. Повествование о некоторых обстоятельствах, последовавших за славным мученичеством, и завершение сей истории.

Удар палача почти отделил голову от тела; лишь лоскут кожи у горла соединял ее с туловищем. И тут случилось чудо: хотя тело должно было упасть вперед, ибо удар был нанесен сзади, оно, вопреки законам природы, опрокинулось навзничь, с глазами, открытыми и устремленными в небо, и с вытянутыми ногами.

Столь дивное обстоятельство поражает воображение, но не поддается разумению; да уверует же разум, что нет чуда, невозможного для благодати, и да познает, что нет знамения, несоразмерного вере.

Палачи, видя, что голова все еще держится на лоскуте кожи, и полагая, что достопочтенный отец способен чарами вновь присоединить ее к телу, до конца отделили ее, а затем отсекали ему кисти и стопы, сложив все на том же месте на поругание и посрамление толпе.

Двум же христианам, что вызвались разделить его участь, тиран впоследствии приказал отрезать носы и уши. И один из них горько сокрушался, что ему не довелось отдать жизнь за евангельскую истину.

Палачи, привязав к поясу святых останков отсеченные голову, кисти и стопы, пронзили его деревянным колом и выставили на холме, дабы дикие звери могли пожрать его. Так оно простояло восемь дней, и в один из них по приказу тирана его водрузили на кол еще более высокий. На исходе восьмого дня священное тело упало на землю, а голова, скатившись по склону, канула в воды реки, словно Провидение желало показать, что лишь кристальная чистота достойна быть дарохранительницей для такой реликвии.

Драгоценные останки остались лежать без погребения. И поскольку место то изобиловало дикими зверями, они были съедены и растерзаны ими. Возможно, то было исполнение молитвы, с которой достопочтенный отец обращался к Богу в темнице.

Уцелевшие частицы были найдены и собраны благодаря усердию и находчивости двух катехизаторов, которые под предлогом охоты проникли на место мученичества. Они разыскали голову, собрали кости и передали их настоящему миссии, который отослал их в Гоа, где они и хранились в то время в ларце в келье отца-прокуратора Малабара.

В тот самый час (а был то полдень), когда достопочтенного отца Иоанна де Бритту обезглавили, упомянутый выше о. Жуан да Кошта, находясь в шести днях пути от Ориюра, уснул, ибо шел весь день и всю предыдущую ночь. И во сне ему явился достопочтенный отец Иоанн де Бритту с отсеченной головой.

Пробудившись, священник рассказал о своем видении катехизатору, но тот ответил, что не стоит придавать значения снам. Однако три дня спустя к о. да Коште прибыл другой катехизатор в сопровождении одного из тех добрых христиан, кому тиран велел отрезать уши и нос, и принесли они весть о славной кончине достопочтенного отца. И когда о. Жуан да Кошта сопоставил час своей дремы с часом, в который, по словам вестников, был казнен святой, оказалось, что это был тот самый миг, когда он явился ему во сне. Сие подтвердил под присягой сам о. Жуан да Кошта.

В тот самый час, когда достопочтенный отец через добровольное и славное мученичество вознесся на небеса в городе Ориюр, в Раманатхапуре, при дворе тирана, что в двух с половиной днях пути от Ориюра, были освобождены его катехизаторы и спутники, которых он оставил в темнице. Тиран Рагхунатхатхевар не только отпустил их, но и проводил с великими почестями. Это событие, весьма достопамятное, почитается исполнением пророчества, коим достопочтенный отец предсказал, что при этом гонении он один лишится жизни.

В год, последовавший за казнью, в округе, именуемом Путур, один язычник занемог тяжелой лихорадкой. Чувствуя близость смерти, он призвал к себе христианина по имени Гегани, который, из ревностного желания служить ближним, постиг некоторые начала врачебного искусства. Христианин, видя, что больной страждет недугом более тяжким, нежели телесный, а именно — заблуждением веры, решил вместе с лечением тела врачевать и душу. Он явил ему его духовную слепоту и умолял его признать и принять Закон Христов, ибо, если он прибегнет к истинному Богу и примет крещение, то не только обретет здоровье души, о котором единственно и надлежит пещись, но и сподобится телесного исцеления, коего так жаждет.

Язычник же отвечал ему: «Как ты можешь убеждать меня, что Закон христианский благ, если совсем недавно князь с таким бесчестием велел обезглавить наставника этого Закона за то, что он его проповедовал и ему учил?» На это лекарь-христианин, более движимый любовью, нежели философией, возразил, что именно это и доказывает истинность и превосходство их веры, ибо исповедующие ее ценят ее так высоко, что готовы отдать за нее жизнь — самое дорогое, что у них есть.

Тогда язычник, видя, что прижат к стене, предложил уговор: если Бог, по заступничеству того наставника, о котором он так много слышал, в течение двадцати четырех часов избавит его от лихорадки, он даст слово стать христианином. Лекарь принял это условие и, уповав на Бога, удалился. На следующий день в назначенный час он пришел к больному и, пощупав пульс, обнаружил, что лихорадка прошла. Через несколько дней тот полностью выздоровел и, признав чудо, принял святое крещение.

Таково было рождение, такова была жизнь и такова была кончина достопочтенного отца Иоанна де Бритту. Восславить сию вершину человеческого

духа и сие свершение благодати — задача для дарования иного, высшего порядка. Поведать о его деяниях — значит дать волю пылкому чувству. Осмыслить же совершенное им — удел возвышенного разума. Достопочтенный отец Иоанн де Бритту был тем, кем он был, и я не дерзаю дать ему определение. Скажу лишь, что в жизни миссионерской, которой он себя посвятил, он учил с красноречием наставника, служил с ревностью исповедника и окончил путь с венцом мученика.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта

РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОРЛРВ

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**